

КАРИНЭ ФОЛИЯНЦ

СЦЕНАРИСТ, РЕЖИССЕР, ЛАУРЕАТ НАЦИОНАЛЬНОЙ
ТЕЛЕВИЗИОННОЙ ПРЕМИИ ЗА ВЫСШИЕ ДОСТИЖЕНИЯ
В ОБЛАСТИ ТЕЛЕВИЗИОННЫХ ИСКУССТВ «ТЭФИ»

РОМАН И ПРОДОЛЖЕНИЕ ИСТОРИИ
О ПОЛЮБИВШИХСЯ ГЕРОЯХ,
КОТОРОЕ ВЫ НЕ ВИДЕЛИ
В СЕРИАЛЕ

СЕРАФИМА *прекрасная*

Каринэ Фолиянц
Серафима прекрасная

«Центрполиграф»

2014

Фолиянц К. А.

Серафима прекрасная / К. А. Фолиянц — «Центрполиграф»,
2014

История Серафимы Зориной мало кого оставит равнодушным. Кто-то считает Серафиму героиней, кто-то осуждает ее поведение. Можно сказать, что она «прет по жизни, как танк». Но это не так. Она просто, говоря ее словами, «не плывет по течению щепкой безвольной», умея и приспособливаться к обстоятельствам, и бороться с ними. Была ли девочка Сима с рождения сильной личностью? Она такой стала! Она сделала себя! Она делила любимого мужчину с другой женщиной на протяжении двадцати лет, она вылечила больного сына, воспитала дочь, она отстояла свою ферму. И никогда не полагалась на волю случая...

© Фолиянц К. А., 2014
© Центрполиграф, 2014

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	8
Глава 2	17
Глава 3	33
Глава 4	41
Глава 5	49
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Каринэ Альбертовна Фолиянц

Серафима прекрасная

Светлой памяти моего брата Александра Фолиянца

У кого-то из великих я очень давно прочитала фразу, что, мол, мужчина – это портрет, а женщина – только рамка к этому портрету. Я эти слова очень хорошо запомнила. И они всегда вызывали у меня протест. Дело в том, что я считаю – в нынешнее время женщина может быть и должна быть личностью. И я писала свой сценарий, а теперь и роман «Серафима прекрасная» про личность. Про человека, который, даже пройдя через самые сложные обстоятельства, не ломается, не подстраивается ни под кого, не дает себе слабину. И Серафима такой получилась – сильной личностью. Хотя сама о себе она говорит: «Я обыкновенная русская баба». Так вот эта обыкновенная русская баба, каких, как выяснилось, миллионы, зачастую может больше, чем мужчина. Она строит свое дело. Она спасает своих близких. Она является тем центром, вокруг которого группируются добрые силы. Поверьте, что Серафима не придумана. Я встретила множество таких женщин. И в каждой из нас живет Серафима.

Каринэ Фолиянц

Предисловие

Перед вам книга о женщине сильной и мужественной. О той, которая коня на скаку остановит, в горящую избу войдет в прямом, а не переносном смысле этого слова.

Одноименный многосерийный художественный фильм «Серафима прекрасная» неоднократно показывали на телеэкранах как в России, так и во многих других странах. И везде Серафима вызывала бурные эмоции. Этот фильм либо любят, либо ненавидят. Картина уже завоевала две телевизионные премии ТЭФИ – за лучший сценарий и за лучшее исполнение главной женской роли.

Кто-то считает Серафиму героиней, кто-то осуждает ее поведение. Но никогда и никого она не оставляет равнодушной.

Каринэ Фолиянц, автор сценария и режиссер-постановщик «Серафимы прекрасной».

Когда я писала этот сценарий, я вовсе не старалась «попасть в точку», создать некую совершенную модель, угодить всем. История рождалась очень легко и непринужденно. И, явившись однажды, образ Серафимы словно повел меня за собой, заставляя рассказывать все перипетии ее нелегкой жизни. Я сама была под обаянием этой героини – подлинно народной, очень узнаваемой и реальной. Серафима действительно вела меня за руку, окуная в свою собственную жизнь, – в историю ее великой любви, ее небезгрешного, но удивительного существования.

Моя аудитория – это, прежде всего, женщины. В отличие от многих мужчин-режиссеров и мужчин-сценаристов я совершенно этого не стесняюсь и этим горжусь. Но понятие «женское кино» или «женская проза» всегда подразумевает под собой нечто слащаво-сентиментальное. А почему? Потому что в глазах многих женщина – это некое слабое подобие мужчины. Она менее разумна, менее интересна человечески, не так умна, не так деловита... У кого-то из великих я очень давно прочитала фразу, что, мол, мужчина – это портрет, а женщина – только рамка к этому портрету. Я эти слова очень хорошо запомнила. И они всегда вызывали у меня протест. Дело в том, что, я считаю, в нынешнее время женщина может быть и должна быть личностью. И я писала свой сценарий, а теперь и роман «Серафима прекрасная» про личность. Про человека, который, даже пройдя через самые сложные обстоятельства, не ломается, не подстраивается ни под кого, не дает себе слабину. И Серафима такой получилась – сильной личностью. Хотя сама о себе она говорит: «Я обыкновенная русская баба». Так вот эта обыкновенная русская баба, каких, как выяснилось, миллионы, зачастую может больше, чем мужчина. Она строит свое дело. Она спасает своих близких. Она является тем центром, вокруг которого группируются добрые силы. Поверьте, что Серафима не придумана. Я встречала множество таких женщин. И в каждой из нас живет Серафима.

Для меня она стала своего рода мерилем жизни. Теперь, когда мне самой очень тяжело и ситуация кажется безвыходной, я думаю: а как бы поступила моя героиня? А ведь она смогла бы преодолеть это! И за минутную слабость мне становится стыдно. Прожив определенный отрезок жизни, я дошла своим умом до простой истины: каждый человек в этой жизни должен полагаться прежде всего на себя, а потом уже на других. Это умеет моя Сима. И я пытаюсь жить точно так же. Поверьте, это не легко, но очень правильно. Мы не можем перекладывать решение всех своих проблем на чужие плечи. Если мы чего-то хотим в этой жизни, то надо уметь это воплощать самостоятельно. И, как бы ни банально это звучало, каждый человек – кузнец своего счастья. Я не люблю нытиков, людей, ропшущих на жизнь и не делающих ничего для того, чтобы улучшить ее. Я не понимаю тех, кто просто «плывет по течению».

Много раз журналисты в интервью меня спрашивали: «Кто прообраз Серафимы?» И я отвечала, что такого человека нет. Несколько лет спустя я поняла, что в общем-то писала про себя. Про ту себя, которой бы хотела быть. У нас с Серафимой нет биографических пересечений. У меня не было такой сильной любви, которая была у Сима к Вите Зорину. Мне не приходилось делить любимого мужчину с другой женщиной на протяжении двадцати лет. Как не приходилось и лечить больного ребенка. Но очень много похожих ситуаций происходило и в моей жизни. Они тоже требовали огромных человеческих усилий, силы духа, умения сосредоточиться и никогда не полагаться «на волю случая».

Некоторые женщины в своих письмах, а писем мне приходит до сих пор огромное количество, пишут: «Серафима прет по жизни, как танк». Но это не так. Она просто, говоря ее словами, «не плывет по течению щепкой безвольной», умея приспосабливаться к обстоятельствам, борясь с ними. У кого-то из великих я прочитала еще одну запомнившуюся мне фразу: «Любить можно только непокорное». Любить можно, опять же, Личность с большой буквы. Я не знаю, была ли девочка Сима с рождения такой личностью, но она ею стала. Она сделала себя. И для меня это в ней особенно ценно.

Я бесконечно рада тому, что мою картину знают и любят. Роман о Серафиме прекрасной написан на основе сценария поставленного мной фильма. Но он отличается от кино. Здесь есть некоторые сцены, не вошедшие в фильм. Есть рассуждения и комментарии, дающие оценки поступкам героев. Хотя конечно же в целом – это новеллизация полюбившегося зрителям кинематографического произведения.

Очень многие просили меня снять продолжение этой истории. Сделать, что называется, второй сезон Серафимы. В какой-то момент я на это согласилась и написала синопсис. Его я тоже предлагаю вашему вниманию как эпилог романа, с одной только оговоркой – снимать это продолжение я не буду. Почему? Потому что история Серафимы Зориной доведена до логического финала. Не хочется повторяться, не хочется дважды пережевывать одно и то же. Пусть Сима для зрителя остается такой же счастливой, стоящей в последней сцене вместе с Андреем на горе, обдуваемая ветрами, достигшая высшей точки своего счастья, заслужившая это счастье.

Пусть все останется на этом пике радости, а что будет дальше – это сможет каждый додумать сам...

Глава 1

1980 год

...Гладь степи простирается до самого горизонта. Горит ковыль багрянцем в лучах заходящего солнца. По степи гуляет табун лошадей. Красивый вороной конь носится за пегой кобылицей. Весь табун перебаламутили! Скачут, не замечая никого... Ноздри раздуты, то и дело раздается ржание... Копыта выворачивают землю, отчего пыль стоит столбом...

Двенадцатилетняя девочка Сима с отцом-пастухом смотрят на скачущих лошадей.

Неказиста Сима, некрасива... Толстенькая, приземистая. Глазки, правда, умные. Глаза взрослого не по годам человека. Она поворачивается к отцу:

– Папа, а что – любовь у них? Да ты не бойся, я большая, все понимаю!

– Точно, дочка, любовь у них и есть. Все замечаешь, умница! Ты у меня учительницей будешь! В институт поступишь! О! Как есть – в город уедешь, ученой станешь! – улыбается отец.

Сима обиделась:

– Да ладно тебе, пап! Меня в школе и так профессором дразнят!

Вздыхнув, девочка достала из кармана очки в толстой роговой оправе и нацепила их на нос. Очки Симу, и без того не красавицу, уродовали еще сильнее.

– Ну и дураки, что дразнят! Умный-то не станет дразнить! А ты, дочка, не обращай на них внимания. Живи по-своему, как живется. Жизнь-то она и покажет, где правда, – возмутился отец.

– Точно покажет? А то ж мне тяжело живется, знаешь, пап...

– Ты это брось. В нашей стране всем живется хорошо. Мы ж не в Америке какой. В Стране Советов все равны!

– Пап, да мы что, на партсобрании, что ли?

– Ты чего такое говоришь, Симка! Ладно, ехать уже надо. Солнце садится. В школу тебе завтра. И лошадам отдыхать надо.

... Отец встает и созывает лошадей. Табун сбивается в кучу, и лишь вороной конь все кружится вокруг своей возлюбленной.

Отец садится в седло, подхватывает Симу, и скачут они вперед. Обернувшись, Сима смотрит на своего любимого коня, а он все бежит за пегой кобылкой.

Дочь продолжает разговор:

– Пап, вот ты говоришь, что детей малых в капусте находят. А жеребята в конюшне роятся – сама видела. Это как?

– Тебе-то оно зачем? Рано еще про такое знать! – испугался отец.

– А вот вырасту, заведу себе десять лошадок. Нет, сто!

– Как это ты сто штук лошадок-то заведешь? Ты чего, колхоз, что ли? Или ты в председатели метишь?

– А это поживем – увидим!

– Тоже верно. Только не бабское это дело колхозом командовать.

– В нашей стране все равны. Сам говорил!

– А ты меня слушай меньше. Это ты у нас профессор. А у меня чего – семь классов образования. Да и у матери тоже. Ну, пошла! – Отец подгоняет свою лошадь, и она несется еще быстрее, а за ней скачет весь табун.

Осталось позади ковыльное поле. И скала огромная, у которой пасся табун. Солнце вскоре скрывается за линией горизонта, освещая ковыль багряным светом. От этого степь вокруг кажется красной-красной...

Лошадь под отцом скачет быстро-быстро, от этого девочке становится страшновато, и она крепче цепляется за отца.

– Не бойсь, Симка. Держу! Вот как сама станешь ездить – знай, в седле-то надо крепко держаться, чтобы никто вышибить не мог!

– Выучусь! Ты, пап, за меня не бойся. Говорю тебе – выучусь!

* * *

Маленькое одноэтажное здание почти на краю деревни – Симиная школа. Стены недавно побелены. На входе висит плакат: «Учиться, учиться и еще раз учиться».

Весь Симин класс слушает Марию Ивановну – классную руководительницу, учительницу литературы.

Мария Ивановна – тощая, в синей кофточке и с жиденькой косой, уложенной на голове крендельком, – разбирает тетрадки на столе и вещает недобро:

– Стыд вас должен заесть за такие-то оценки по родной литературе! Из пятнадцати оболтусов у троих только четверки за сочинение. Пять двоек – где это видано, а? Зорину вообще хоть единицу ставь! Люди хотят дать рекордам звонкие свои имена! На Олимпиаде в этом году сколько наших спортсменов золотые медали выиграли! А ты, Зорин... ты... Через два года в комсомол вступать! Какой такой комсомол, если ты в шестом классе слово «корова» через «а» пишешь! Это в советской-то школе. Встань, Зорин, горе наше общественное!

Витя Зорин хоть и двоечник, зато самый красивый мальчишка в классе! Глаза большие такие, ясные, голубые, светлые волосы. Встал лениво и пробубнил:

– А чё я-то, Марь Иванна? Я чё, хуже всех?

– Самокритика – это замечательно, Зорин. Это по-пионерски, – обрадовалась Мария Ивановна. – Да, Зорин, ты хуже всех. Книгу ты прочел одну в жизни. Называется «Букварь»!

Класс зашелся от смеха, а учительница продолжала возмущаться дальше:

– Тише, тише! А все почему, Витя? Потому что мать твоя, вместо того чтобы в колхозе как следует трудиться, теплицами занимается, помидорчики растит – и ты при ней! И ничего ты в этой жизни не знаешь, кроме этих куркульских помидоров! В теплице целый день пашешь, вместо того чтобы читать... Гляди, на базаре еще раз увижу – уши тебе надеру! Грамотей!

Класс снова засмеялся. Мария Ивановна подошла к Симе:

– Симочка Кузина, возьми ты над ним пионерское шефство. У тебя есть чему поучиться!

– Мария Ивановна, а если он не захочет? – тихо спросила девочка.

– Не хочет – заставим. Не может – научим! Смотри, Зорин, на Симочку. У нее у единственной пятерка по сочинению. Она на нашем учебном фронте передовичка. Самая передовая передовичка.

Дети промолчали, лишь одна девочка прыснула со смеху. Это была Ира Долгова – первая красавица в классе.

– И нечего лыбиться, Долгова. У тебя-то самой кроме ветра в голове ничего не водится! – заметила педагог.

А та кокетливо возразила:

– Зато я не очкастая и не толстая.

Мария Ивановна рассердилась не на шутку:

– А ну выйди вон из класса! Кому сказала!

Долгова поднялась, поправила свои хвостики и начала неторопливо собирать портфель.

– Кого ждем? Шевелись, шевелись!

Долгова очаровательно улыбнулась:

– Мне, Марь Иванна, одной скучно. Можно Зорин со мной пойдет? Идешь, Витек?

Витька по зову красотки встал немедленно и тоже начал собирать портфель. Одноклассники за этим внимательно наблюдали. А внимательней всех смотрела на это Сима... С болью смотрела. Нравится ей Витька, а он Иру любит...

Учительница перешла на крик:

– Да вы что, хотите, чтобы я директору пожаловалась? На совет дружины хотите? Вылетите из школы, потом обратно никто не возьмет! А ну, Зорин, сядь на место! Сядь, я кому сказала!

Класс шумит, и кто-то один громко крикнул:

– Марь Иванна, он к помидорам своим торопится!

– Я вам покажу помидоры! Я тебе, Зорин, покажу теплицу! Ну, кто еще хочет выступить? – завелась Мария Ивановна.

Воцарилась гробовая тишина...

– Попробуйте только рот открыть – всем неуды по поведению вкатаю. Всем... Кроме Симы. Вот тогда завертитесь, как рыбка на крючке! Симочка, иди сюда! Бери своего подшефного Зорина, будешь ему пересказывать содержание «Капитанской дочки» – он сам ее в жизни не прочтет! Давай!

Сима встала и сделала шаг к Зорину, но он заявил рассерженно:

– Тебя еще не хватало!

Ох, неизвестно, чем все это бы закончилось, но только в класс заглянул сухопарый мужчина лет сорока – это был директор:

– Мария Ивановна... можно вас?

Учительница быстренько прихорошилась и побежала к выходу – весь класс, вся школа и вся деревня знали, что любит она директора давно и безответно. Дети загудели. В дверях Мария Ивановна обернулась:

– Про неуд по поведению помним все! Встали!

Класс встал. Только Мария Ивановна вышла за дверь, как к Симе подошла Ирочка Долгова, коварно улыбаясь.

– Витек, а хочешь знать, кто про мамку твою и про помидоры Марь Иванне настучал? Вот эта... – Она кивнула на Симу.

– Неправда! Я не стучала! Я никогда не стучу!

Симу трясло от обиды! Ведь в Витьку она давно была влюблена, а вот Ирочку терпеть не могла!

Долгова не унималась:

– Да? А чего ты тогда в отличницах ходишь – просто так, что ль?

– Я занимаюсь, потому и отличница! – честно ответила Сима.

– Ой, она занимается! – хихикнули девчонки.

– Стучит, стучит! На каждого! И перед директором на задних лапах ходит, и перед Марь Ивановной! Я слыхала все! – подливала масла в огонь Ирка.

– Симка, а ну докажи, что это не так? – вступился за Симу кудрявый Вовка.

– А чего мне оправдываться? Это она дура! – кивнула Сима на Долгову.

– А ты... ты жаба! Гляньте, девчонки, на морду ее скособоченную. Ты же зеркала дома боишься? Боишься! – закипела хорошенькая Ирка.

Класс снова засмеялся. Сима, не выдержав, сильно пихнула Иру, и кто-то крикнул:

– Бей ее! Бей жабу!

А детям только того и над было... Окружили ее плотным кольцом...

– Бей жабу!

... Удары сыплются на Симу со всех сторон. Оголтелая толпа бьет ее, бросает на пол. Сима молчит, не зовет на помощь.

... Сквозь плотное кольцо своих мучителей она увидела, как неподвижно стоит у доски Зорин. Вот кто-то сорвал с нее очки. Долгова крикнула:

– Дай сюда! Ослепни, жаба!

Красавица со злостью бросила Симкины очки об пол...

Витя не выдержал:

– Хорош, ребята! Эй, ща Марья вернется. Пошли, говорю!

... Витин голос отрезвил мучителей, они стаей вылетели из класса. И он тоже готов был уйти. Только задержался, подобрал с полу полуразбитые очки.

– На! Держи.

Он протянул их избитой девочке. Сима посмотрела на него с нежностью и благодарностью:

– Спасибо! Витя, постой, а как же «Капитанская дочка»?

– В другой раз! – усмехнулся Витька.

В дверь заглянул друг Зорина:

– Витек, атас! Там Марья в конце коридора! Чешем отсюда!

И Витя убежал...

– Витя, постой! Постой! – закричала вслед ему Сима.

Марья Ивановна, войдя в класс, увидела растрепанную, с разорванным школьным фартуком Симу, которая напяливала на нос пострадавшие очки:

– Что здесь было, кто тебя так? Зорин, да? Симочка, ты что молчишь! Он у меня из школы вылетит, охламон такой! Сима, говори, ну...

Сима повернула к Марии Ивановне гордое личико:

– Не бил он меня, слышите, не бил! Просто я упала! Я сама, случайно!

– Как это – просто? – удивилась учительница. – Просто не падают, да так, чтоб стекла из очков повывлетали! Как это так?

– А вот так! – ответила Сима и вышла в коридор, хлопнув дверью...

Сима понуро брела по деревенской улице, чуть не по земле волоча портфель.

У забора ее дома шептались две соседки:

– В кого Симка такая уродилась? Иван парень ладный. Лида в девках вообще красавицей была! А эта! Ни кожи, ни рожи...

– Погоди еще! У меня вон Танька была колобок колобком, ты вспомни! А сейчас от женихов отбоя нет.

– У Таньки сызмальства морда была – загляденье, – возразила одна соседка другой. – Как твоя свекровь померла да перестала ее молоком парным пичкать, так у Таньки фигура и нарисовалась! Ты чего сравниваешь Таньку и эту...

Сима вошла в дом. Соседки продолжали толковать у забора.

Подошла к старому трюмо, угрюмо глянула на себя... Неказиста. Ростом мала. На носу очки разбитые... Плакать захотелось!

– Уродина ты! И уродиной будешь! Жаба!

Схватила подковку, что лежала всегда на этажерочке, – на счастье, видимо, отец ее туда положил...

Замахнулась подковкой – и шарах по зеркалу!!!

Старое стекло не выдержало, треснуло, разлетелось на куски...

Соседки встрепенулись.

– Господи, да что же это?

А Сима, разбив трюмо, долго плакала одна в комнате. От того, что некрасивая. От того, что не любит и не полюбит ее Витя. Никогда... От того, что никому в классе она не нужна...

Так страшно, когда ты никому не нужен, никем не любим...

Вечером вернулась с работы мать Симы – Лида. Она недоумевающе смотрела на разбитое трюмо.

– Симушка, да кто же это сделал?

– Это я! – ответила Сима.

– Да как же это ты? У тебя и сил не хватит! – удивилась Лида.

– Хватило...

– Так это еще уметь надо, а... Ты же знаешь, что примета плохая – вдребезги-то битое зеркало... Да и жалко трюмо – от матери досталось!

В комнату вошел отец:

– Ишь еще, трюма ей жалко! Да ему сто лет в обед!

– Конечно, тебе хоть всю мебель в доме переломай! Лишь бы телевизор был цел! А по мне, так мебель нужная! – ответила Лида.

– Нужная! – передразнил жену Иван. – Это, Симка, знаешь у нее что? Это, Симка, у нее вещизм! Заболевание такое! Это когда вещи дороже человека. Э... да ты бы, Лида, лучше спросила... чего это у дочки с лицом!

Он заметил ссадины и кровоподтеки над бровью у Симы:

– В школе получила, а? Давай только не ври. При матери не хочешь говорить – мне скажи, я их собственными руками...

– Не скажу! Ничего не скажу! – выпалила девочка.

Не любила Сима жаловаться, даже родным людям.

Иван засмеялся:

– Вот вся в меня. Как осел упертая.

Он прижал дочь к себе.

– Что, профессор, дурнушкой, поди, назвали, да? А ты им всем еще покажешь, что они дурней тебя. С лица, дочка, воды не пить. А зеркало бить глупо – оно не виновато! А я тебя обрадовать хотел, – вдруг сменил тему Иван, – перед самыми выходными в ночное пойдем, коней купать! Тебя с собой беру!

Сима ожила:

– Не врешь?

– А когда я тебе врал?

– Па, а можно Витьку с собой взять?

– Какого такого Витьку? – спросил отец.

– Да Зорина Витьку из нашего класса.

Иван нахмурился:

– Стоп, погоди, а тот Витька тебя не обижал ли, а?

– Нет, нет, он хороший!

– Ладно! Завтра с матерью с утра в город едем – новые очки тебе справим.

– В красной оправе?

– Да хоть в зеленой, если в городе такие найдутся! – засмеялся Иван.

В комнату вернулась Лида, укоризненно качая головой:

– Вань, шел бы спать, а! Ехать завтра с утра в город. Мне еще утром Зорьку подоить!

– Мам, не надо, я сама, сама! Ты выпись! – сказала Сима. – Я Зорьку подою! И бутерброды вам в дорогу сделаю!

Солнце еще не встало. Речка, поля, домишки на косогоре тонут в тумане. Красивые места в Симиной деревне...

Сима доит Зорьку – большую пятнистую корову. Руки у девочки золотые. Корова послушно мычит, но с места не двигается.

– Стой, Зоренька, стой! А мычать-то громко и не надо, мамка пусть еще поспит!

Струйки молока бьют по дну и стенкам ведра.

– С добрым тебя утречком, Зорька! – закончив доить, сказала Сима корове. – Спасибо тебе за молочко!

Подоила – да и пошла снова спать.

В седьмом часу петухи закукарекали, проснулся отец.

Солнце уже поднялось.

– Лида, Лида, да что ж ты! Никак проспали!

– Господи, да как же! Автобус-то в шесть... – вскочила Лида. – Вань, а может, сегодня не поедем, а? Поездку отложим на пару-то дней? У меня что-то на душе неладно!

Но Иван был непреклонен:

– Чего удумала! Ночь всю проедала мне плешь за это зеркало дурацкое – вынеси да вынеси! Тоже мне коммунистка, передовичка, а как бабка старая в приметы веришь! Едем, тебе говорят! Пальто тебе нужно? Нужно. Матери моей, хоть и старуха, а тоже нужно! Очки дочке нужны? Нужны. Пока все не проели – надо в город смотаться! А потом огород начнется, и отгулов не наберешь! Знаем мы это завтра! Собирайся.

– Ой, ладно! Пойду на Симку погляжу!

– Не буди, пусть спит! У нее вторая смена!

Мать заглянула в комнату к дочке, поцеловала спящую Симу:

– Умница моя, и коровку подоила! И бутерброды в дорогу сделала!

Отец из-за спины Лиды с любовью смотрел на дочь:

– Красота ты моя! Никому не верь, что уродина! Загляденье ты мое, профессор! Будут тебе и красные очки, и пряники шоколадные! – и тоже поцеловал дочку.

* * *

Днем Симка торопилась в школу, когда вдруг Витька Зорин перегородил ей путь.

– Стой! Поговорить надо, – заявил Витя.

– Ну говори! Слушаю...

– Ты того, Марь Иванне ни слова... А про Ирку забудь вообще – не она это была. Поняла? Не она тебя стукнула!

– Да наплевать мне на твою Ирку! – дернулась Сима.

– Больно было? – Витя смущенно смотрел на девочку.

– А ни капельки! – вдруг гордо выпалила Сима. И тут же ласково: – Вить, а с отцом и со мной в ночное поедешь перед выходными? На конях покатаемся! Ночью в речке искупнемся, а?

– Это можно. Только ты того, не сдавай ребят. Из пионеров же погонят!

– Да уж сказала! Не сдам! И про помидоры – не я это наябедничала! Что, не веришь?

– Да верю! – пожал плечами красавец Витя.

Он протянул руку к ее поломанным очкам, которые Сима зацепила резинкой за ухо, потому как одна дужка была полностью отломана.

– Хочешь – починю? – спросил мальчик.

Сима улыбнулась:

– Не надо! Мне отец из города привезет. Сегодня. Красную оправку обещал, ага!

– Ну пошли, что ль?

Они двинулись к школе...

– А вот поедешь с нами в ночное – я тебе еще одну тайну расскажу. Самую, самую важную! – тихо прошептала Сима.

– Это какую же?

– Да ты потерпи! Уже немного осталось – два дня всего-то!

Так хорошо было с Витькой до самой школы идти, что Сима забыла и про битые очки, и про то, что ее называют жабой...

...Лида с мужем вышли из автобуса на дороге у станции, нагруженные авоськами и сумками. Надо было делать пересадку, чтобы добраться до родной деревни.

– Смехота да и только – за колбасой в город гоняем! – сказал Иван.

– Да тише ты, дурак. Чё несешь-то, думай!

– А то вокруг все не видят! Слепые, ага!

– Ты лучше думай, что нам теперь часок-другой на дороге стоять! Не успели мы на двухчасовой.

Иван радостно махнул рукой проезжающему водителю на грузовике:

– А вот и попутка! А ты горевала! Эй, Паш, стой! Ты домой, что ль?

– А то! Садись! – ответил ему из кабины Паша.

Язык у колхозного шофера Пашки Кулакова малость заплетался. Такое за ним водилось, и часто. Не дурак он был выпить.

– Вань, да он же, как всегда, выпимши! Ты как хочешь, я не еду! – возмутилась Лида.

Но Иван уже подсаживал жену в кабину:

– А я тебя спрашиваю? Полежай, и все! Симка ждет очки свои и пряники!

Он потряс авоськой, где и впрямь лежал большой кулек с пряниками.

– Садись, тебе говорят, а то простоим тут до ночи! Дите пряники ждет с шоколадной начинкой!

Грузовик петлял вправо-влево, потому что руки вечно пьяного Пашку не слушались. Лида кричала:

– Ты чего ж, ирод, за рулем потребляешь, а? Средь белого дня!

Паша в кабине повернулся к Ивану:

– Баба у тебя болтливая. Ты б ей язык-то прикрутил!

– Ты баранку крути как следует, а с бабой я сам разберусь! – ответил Иван.

Паша ухарски запел песню да прибавил скорости.

Лида снова вздрогнула:

– Ты ж, дурень, людей везешь, не дрова!

А машина выписала на дороге пируэт.

– Ой! – заверещала Лида.

– А не нравится – слазьте! Ждите вона автобуса, я силком не сажал! – возмутился Паша.

– Да ладно тебе. – Иван было успокоил жену, а потом и сам взревел от Пашкиной езды. –

Ты чего ж, черт, делаешь!!! Стой! Остановись!

– Да не дрейфь ты, Ваня! Тут гаишников на сто километров вокруг не сыщешь! С ветерком помчимся! – ответил Павел и опять прибавил скорости...

А Сима на уроке ни о чем другом думать не могла, как только о походе в ночное с лошадьми, которых любила с детства, и о Витьке, конечно...

Она смотрела на него влюбленно и восхищенно. И только дурак мог не заметить любви в ее взгляде.

А Витьке чего? Он на Ирочку свою уставился. Ирочка и впрямь красавица. Вон прядь выбилась из косичек и так на щеку легла...

Застыл Витя. А Мария Ивановна как закричит:

– Зорин! Ты в каких облаках витаешь! А ну повтори, что я говорила!

Зорин встал, переминаясь с ноги на ногу:

– Это...

Сима сзади подсказать пыталась...

– Серафима, умолкни! Мне понятно, что ты все знаешь! Зорина послушаем! – сказала учительница. – Ну, что хотел сказать Лермонтов своим стихотворением?

А в это время в кабине грузовика Лида и Иван с остекленевшими от ужаса глазами смотрели на петляющую дорогу. Ехал по ней лихач Пашка – не ехал, а летел. Да еще и горланил пьяным голосом песни.

Впереди завиднелся крутой овраг.

– Осторожней, тише езжай! – Иван попытался выхватить руль у Паши. – Остановись, я сказал!

– А вот хрена тебе! Лапы-то убери, моя техника, мо-я-я...

Паша вцепился в баранку. И так крутанул, что не удержалась машина.

Грузовик сорвался с узкой дороги, полетел в пропасть с крутого склона. Взорвался бак.

Чудом уцелевший Паша бегал вокруг пламени и вопил:

– Люди, люди, помогите!!!

Пассажиры были мертвы...

В траве, неподалеку от горящей машины, лежали выпавшие, очевидно, из Иванова кармана новые дочкины очки. В красной оправе. По земле рассыпались пряники...

В Симином классе продолжался урок. Дверь открылась, вошел взволнованный директор.

– Садитесь, дети! Мария Ивановна, на минутку!

Класс зашумел. Мария Ивановна подбежала к директору, тот ей что то зашептал на ухо. Учительница побледнела, с ужасом перевела взгляд на Серафиму...

Сима, словно почувствовав неладное, встала с места...

– Симочка, поди сюда, детка... – принесла учительница ласково.

Сима на ватных ногах подошла к ней и прошептала:

– Что?

– Симочка... Мама с папой... в грузовике... по дороге... – Она умолкла, не в силах больше произнести ни слова.

– Нет! – отчаянно закричала Сима, словно криком своим могла спугнуть беду. – Нет, не верю!!!

Оттолкнув директора и Марью Ивановну, девочка выбежала из класса.

Она летела по коридору, наталкиваясь на людей, сбивая их с ног, как маленькая беспомощная ракета.

Голос ее эхом звучал в коридоре:

– Не-е-ет!!!

Она выбежала на лестницу. Все закружилось перед ее глазами... Ступени, ступени, ступени...

Сима кубарем полетела вниз с высоченной лестницы...

Она очнулась в своей комнатке, в кровати, два дня спустя.

Когда Сима открыла глаза, рядом с ней была бабушка. Старенькая, в черном платочке на голове. Ее морщинистое лицо еще больше сжалось от боли.

– Баб, ты? А где... – еле выговорила Сима.

Бабушка не смотрела на Симу. Только очень тихо сказала:

– Схоронили вчера сыночка моего, Ванечку. И Лиду схоронили... А ты вона два дня в себя прийти не могла... Да пришла, слава Господу...

– Я к тебе хочу, баб, не бросай меня!

– Не потяну я тебя... Слабая... Годов мне много. Ваню поздно родила, дура. Кабы знать...

– Ба, я все сама могу! И Зорьку доить, и полы мыть! И борщ варить мамка учила! Забери к себе! Я хорошая! – закричала Сима.

Бабушка гладила ее по голове:

– В другой дом тебя определили, голубонька моя... В детский... Не плачь, там детишек много! Тебе и не страшно будет...

– Я не хочу! Не хочу! – вырывалась девочка из бабушкиных рук.

Поздней осенью небо словно плачет, не в силах остановиться. Почти все дороги размыло беспощадным дождем.

У Симиного дома остановился уазик. Участковый милиционер с трудом потащил упирающуюся Симу и ее маленький чемоданчик в машину.

– Ну чего ты. До Лыткарина ж рукой подать! А бабаня тебя навещать будет по воскресеньям в детском твоём доме. Сиди смирно, мигом доедем...

Бабушка стояла у забора, неподвижная, точно статуя. Лишь рукой махала вслед.

Машина тронулась с места. Вдруг Сима прямо на ходу выскочила из нее. Побежала как сумасшедшая...

Участковый за ней:

– Куда ты, Симка? Куда?

А Сима просто увидела Витю. Подбежала, поймала, вцепилась в рубаху:

– Витя, Витенька, я люблю тебя! Меня в детдом отдали... Понимаешь, я ж теперь не знаю, когда тебя увижу... Ты не говори ничего, Витька!.. Только знай, что очень тебя люблю! И всю жизнь любила. И любить буду!!! Больше всего на свете, потому что кроме тебя никого и нету! Никого! – Она прокричала все это ошарашенному мальчику.

Выскочивший следом страж порядка схватил Симу в охапку, мокрую, вырывающуюся, безумную:

– До нитки ж вымокла, дуреха, пошли, пошли!!! – и потащил ее обратно.

Но Сима больше не стеснялась никого. Она кричала так, что все ребята, идущие в школу, остановились.

– Люблю! И всю жизнь любить буду! Помни это, Витька-а!

И никто из детей не засмеялся. Все застыли... Они смотрели вслед отъезжающему уазу, в котором уезжала маленькая Серафима.

– Помни, Витя, люблю и буду любить!!! Помни это! Помни!

Глава 2

1986 год

Прошло шесть лет. Едет грузовик к деревне. В кабине сидит Сима. Ничего не изменилось за эти годы: те же домишки, те же сарайчики. Вот и забор ее дома показался... Сима внимательно смотрит из окошка грузовика. Все такая же некрасивая. Полноватая. Вот только что выросла да очки не носит. И движения порывистые, грубые, скорее мужские, чем женские.

– Ты всю дорогу-то молчала, а я все спросить хотел: ты чего ж к нам, насовсем или с кем повидаться? – спросил смешной и маленький росточком шофер Слава.

– Насовсем... – неохотно ответила Сима.

– Так ведь в деревне-то у тебя никого. Баба Сима твоя померла уж год как.

– Знаю...

– Ну? Чего ж вернулась-то, к кому?

– Домой к себе.

– Тебя в детдоме-то не обижали?

– Я сама кого хочешь обижу... – усмехнулась Сима. – Скажи, Слав, кто теперь вместо отца-то коней пасет?

– Вспомнила! Коней тех в помине нет! Не до коней теперь колхозу. Посерьезней вопросы, чем кони твои. Техника вся в упадок пришла, а новой нет как нет. Я вон эту колдобину седьмой год поменять мечтаю... – засмеялся шофер.

– Ну а еще чего нового?

– Известно что – перестройка, мать ее за ногу. Водку в магазине хрен купишь. Вот и все новости. Так, гляди, и колхоз лопнет!

– Ты чего несешь?

– А чё?

– Ты это скажи, а Витек Зорин... он тут? Учиться еще не уехал? – тихо спросила Сима.

– Да куда ему учиться? Десятилетку еле дотянул! На комбайне пошел работать после окончания школы. Мать у него померла. Ну, помнишь, помидорами торговала, теплица у ней своя была! Понаехали корреспонденты с города, писали всякую гадость про теплицу ту, ну у ней сердечко и не выдержало после собрания-то, где ее песочили... Короче, один теперь Витька. Как ты... Ну ничего, на Иришке Долговой скоро женится. Ее-то, поди, тоже помнишь? Ну такая вот красавица-то. Сейчас еще красивей стала! Ну вот. В армию Витька скоро пойдет – ясно дело... После армии, наверное, и распишутся! А что?

– Да это я так. С одного класса мы.

– А... так, может, привет передать? Я ж его через час увижу.

– Сама передам, – грубо отрезала девушка.

– Ох ты, самостоятельная ты девка, Серафима. Все сама да сама! Гляди, такую самостоятельную никто и замуж брать не захочет! Мужики таких не любят!

– Тут останови! – скомандовала Сима.

Машина поравнялась с домом с заколоченными ставнями – ее домом.

Сима спрыгнула на землю:

– Спасибо, сколько с меня?

Она деловито достала деньги из выреза платья... Шофер посмотрел на нее укоризненно:

– Да брось ты, свои ж люди! С одного села. Чего ты ерунду-то городишь! Да убери ты деньги свои, говорю! Ишь самостоятельная!

Грузовик уехал. Сима подошла к дому, остановилась, глядя на заколоченные окна. Недолго думая схватила одну из досок, отодрала одним движением, прямо с проржавевшими гвоздями.

А потом зашла в дом. Распахнула окна, раскинув старенькие занавески. В таз воды налила. Стала мыть полы руками, чтоб дома чисто было...

Вот так началась ее новая жизнь в родном-то селе...

Вернулась...

* * *

Сима прибиралась в доме умело, шустро. Подняла голову, увидела в окно все тех же соседей у забора. Словно столько лет-то и не прошло – сидели на скамейке деревенские сплетницы, все подмечали, обо всем имели свое мнение.

Прислушалась – соседки обсуждали ее приезд...

– Симка, что ль, вернулась? Вот те на! Вот не гадали, не думали! Она ж в отличницах ходила, отец-то мечтал об институте! – сказала первая.

– Вона институт твой! Поломойничает!

– А с лица как – изменилась?

– Ага, жди не дожدهшься! Кем родился, тем помрешь... Ой, Сима!

Женщины увидели Серафиму в проеме окна. Улыбнулись.

– Сим, с возвращением. Может, помочь чем?

– Сама обойдусь. – Она захлопнула окошко.

А как работу закончила, авоську в руки и в сельпо пешочком. Прямо по грязи, по дороге неасфальтированной, топая своими большими ножищами в немодных стоптанных ботинках...

Набрала, что в сельпо было: хлеба, икры баклажанной, огурцов банку... Погрузила в авоську свои покупки. Ей недобро улыбалась продавщица Нинка, размалеванная, в платье цветном кримпленовом, что модно было лет десять назад... Сима усмехнулась и голосищем своим низким выпалила:

– Водки еще дайте.

– Ты никак пить научилась? – укоризненно спросила красotka не первой свежести.

– У вас не спросила. Две бутылки.

– Не положено две. По одной в руки... Но есть самогонка, хорошая, сама гоню! – хитро подмигнула Нинка.

Сима только насупилась:

– Не надо! Сколько с меня?

Тот самый шофер грузовика, что подвозил Симу, подъехал в обед к полевому стану. Механизаторы уже ждали еды, что привез с собой водитель. Повариха быстро и умело разлила суп по тарелкам. Среди обедающих был и Витя Зорин – он почти не изменился, только вытянулся сильно... А глаза те же, голубые. И чуб русский до бровей. Красавец одно слово. Только вот какой-то он невеселый...

– Витька, а я, знаешь, сегодня кого в село подвозил – Симку, ну учились вы вместе, – сказал шофер.

– Жабу, что ли? – сразу вспомнил Витя.

Мужики засмеялись. Пожилой бригадир дядя Петя откликнулся:

– Грех так говорить, мужики. Девка сирота, Иванова дочка. Хороший он был. И она девчонка смышленая.

– Смышленая-то смышленая, а страшна как смертный грех! – огрызнулся Виктор.

Мужики снова захохотали.

– Так не тебе с ней спать! – прокричал сквозь смех бригадир.
А Андрей, друг Виктора, белобрысый и долговязый, хлопнул его по плечу:
– Ты лучше про Ирку свою думай! Про то, как вам ребенка заделать до армии!
– Это еще зачем?
– Чего тебе, в Афган, что ли, загреметь хочется? Ирку обрюхатишь – и всех делов! Витек, тебе чё, помочь, что ли? Сам не справляешься?
Витя обозлился:
– Ща как дам!
Механизаторы притихли. Андрюха тоже пошел на попятную...
– Да ладно, шучу! Ты меня погоди бить-то, главное, чтоб она тебе дала!
Тут Витя не выдержал, кинулся на Андрея с кулаками – уже не на шутку. Дядя Петя, водитель Слава и другие мужики стали их разнимать... да куда там!
На поле, на фоне стоящих комбайнов, началась настоящая куча-мала...
– Помогите, да что ж это делается!!! – кричала повариха, так и не накормившая бригаду. – Да вы с ума посходили, мужики! Обед-то остывает!
Только никто ее не слышал. Потому что Витька с Андреем не могли утихомириться и все катались по полю.

* * *

Этим же вечером в сарае Витя обнимал красавицу Ирочку. Она все отбивалась, пытаясь ускользнуть от него.
– Пусти! Я ж тебе сказала: нет! До свадьбы и не мечтай!
– Ир, да я разве жениться отказываюсь? Я ж люблю тебя, дура! Так люблю, что никогда и никого больше любить не буду! Не веришь, что ли? – страстно шептал Витька.
– А если и не верю – что тогда?
– Значит, точно дура! Мужики надо мной смеются!
– А для тебя это главное? – зло оскалилась Ирочка. – Ты ж пойми, я хочу, чтобы все по-человечески! Что тут такого? Хочу, чтобы мы в город переехали. Хочу, чтобы у нас все было как у людей настоящих! Вон Ленка Попова дура душой, а в городе живет! Хата у нее трехкомнатная! Машина у нее красная! Мебель у ней румынская – прям стеночка такая, я аж как увидела – расплакалась!
– Ты мне про эту проститутку брось втирать!
– Да? Чем же это она плоха?
– Сама знаешь, чем твоя Ленка живет!
– Ой, подумаешь! Главное, что живет по-человечески! А ты чего хочешь? Закопать меня в этой глуши! Да? Во придумал, а? Ты всю жизнь комбайнером работать будешь, а я птичницей? Или на ферму отправишь – коров доить? Так у меня маманя всю жизнь дояркой проработала. Навидалась я такого счастья. Бабе сорок лет, а по виду все сто сорок!
– Что ж ты так на мать родную? – опешил Витька.
– А как я должна? Я в глаза правде смотрю, а ты все уворачиваешься. Ребеночка, говоришь, родить тебе надо, чтобы от армии отмазаться, – так это не со мной! Я для себя пожить хочу! Ничего, сходишь послужишь. Авось и не заберут тебя в твой Афган. А заберут, так выживешь. Ты, Вить, живучий! – не по-доброму засмеялась Ирочка.
– Так ведь ты не дожدهшься, я знаю. – Витя чуть не плакал.
– Ну не дождусь, значит, судьба твоя такая!
– Эх, убил бы тебя! Ей-богу бы убил!
Он крепко сжал Иру сильными руками. Не то с любовью, не то с ненавистью...

– Пусти, дурак, пусти! Кричать буду! Пусти, тебе говорят! – пролепетала Ира сдавленным голосом.

– Эх, Ира, Ирка, что ж ты не любишь-то меня, а?

– Как могу, так и люблю!

Витя отпустил ее, повторив с усмешкой:

– Как могу... Эх...

Утром Витька встретил Серафиму. Она принарядилась – видно, что в первый раз надела платье в крупный горох. Только платье ее не украсило – это не стройная красавица Ирочка.

– Ну, здравствуй, Витя. Узнал?

– А чего не узнать-то, слышал, что приехала...

– Не изменилась?

– Да нет, почему... Выросла... Как все мы... Ты ж вроде в институт собиралась, училась отлично.

– Так я медаль и получила. И поступила на заочное. На ветеринара учусь. Раз в году сессия. – Сима опустила глаза. Она очень боялась этого разговора. И так же сильно он был ей нужен!

– А сюда-то чего? – спросил Витя уже из вежливости.

– Да так... Соскучилась... Ты вот что, мне помочь-то не можешь? Просить никого не хочу. Тебя вот, что называется, по старой дружбе...

– Так мы друзьями никогда и не были... Вроде как... – удивился Витька.

– Ты про очки-то мои разбитые помнишь? Я очков больше не ношу. Видеть стала хорошо.

Я, Вить, многому за эти годы-то научилась. Так зайдешь? – Она посмотрела на него просяще. И как-то Витьке неловко стало. Ну, одноклассница все же, да еще сирота, хоть и жаба...

– Ну ладно, зайду. Только скажи, чего тамстряслось, чтобы я инструмент взял.

– В воскресенье, а? После обеда. Крышу мне надо починить, прохудилась, протекает в дождь. Помоги!

– Ну, попробую... – пробубнил он.

Вот и настало воскресенье.

Сима стол накрыла – любо-дорого посмотреть. Чего на нем только не было! И грибочки солененькие, и сало, и картошечка, присыпанная укропчиком... Витя вошел и с порога обомлел. Он-то привык всухомятку питаться да в рабочей столовой...

Сима поставила на стол бутылку водки.

– Так ты ж это, про крышу говорила... – не выдержал Витя.

– А не убежит крыша. Сядь вон, поешь, тебя ж кормить некому. Все по столовкам шастаешь. Что, не так?

– Так. Ну ладно... Чего не поешь-то, поем! Перед работой не поешь – грех. А это... – он указал на бутылку, – где взяла-то? И зачем?

– В сельпо и взяла! Так... по чуточке, за встречу! Ну положено же!

– Ну, вроде как да... – согласился Витя.

А Сима уже плеснула ему полную стопку.

– А если положено – чего зря традиции нарушать. Давай за моих... ну и за мамку твою. Когда она?...

Витя опустил глаза:

– Да уж три года как. Молодая была еще... Ладно, Сим, будем!

Они выпили не чокаясь.

Витя до дна. Сима стопку еле пригубила. И так посмотрела на Виктора, как будто что-то задумала.

– Давай еще по одной. За здоровье теперь надо, – сказала она.

– Давай! – согласился Виктор.

На этот раз разливал он. И пожалуй, даже охотно. Сима внимательно наблюдала за каждым его движением.

– Ну, будь!

– И ты тоже!

Рюмки зазвенели...

– А теперь грибочков поешь, да и картошки тоже. А то еще щи есть зеленые. Щи-то будешь?

Ну как тут отказаться?

По деревенский улице шла Ира Долгова с матерью.

– Твой-то сегодня к Симке пошел, – усмехнулась мать, – чего, не сказал тебе, а?

– Сказал, мам. Знаю, крышу чинить ей собрался.

– Ой, искусник, мастер золотые руки! Лучше б нам забор починил!

– У тебя свой муж есть, его и проси! – огрызнулась Ира.

– А то ты не знаешь, что он десять лет как не просыхает. Его к тому забору только самого прислонить можно! – завелась мать.

– Мне ваши отношения неинтересны. Он мне не отец!

– Ты как разговариваешь-то? Ты себя-то послушай. Он тебя вырастил! А за своим гляди получше! – закричала мать.

– У меня таких своих, как тот Витька, – вагон и маленькая тележка, – закатила глаза Ирочка. – Я, может, и не решила еще ничего. Да зачем он мне, мам, нужен, если ему через месяц в армию! Да потом он голь перекатная, а главное дело – он даже это не понимает!

– О дела! А говорила, что любишь! – удивилась мать дочкиным словам.

– Себя надо, мам, любить в первую очередь! Себя! – поучала Ирочка.

– Тебе видней, а только счастья своего не упусти!

– Ой, господи! Эко счастье! Да и кто у меня его оттяпает. Сима твоя косорылая? Жаба жабой. Мы ж ее с детства жабой звали! Такой она и осталась!

– Ты гляди, как бы тебе та жаба козью морду не сделала!

– Ну напугала! Ой, напугала! Ой, уже смеюсь! Ну, мама, ты даешь! – залилась смехом Ирка.

А зря смеялась...

Серафима шла к задуманному правильным путем, хотя никогда никаких книг по оболщению мужиков не читала. Все делала по наитию, а это, пожалуй, вернее всех психологических советов...

Пока Витя чинил крышу, Серафима снова накрыла на стол.

Вот стук стих, появился Витя с инструментом в руках.

– Ну вот и все, пустяковая была дырочка. Делов-то – на две минуты.

– Спасибо!

– Не за что, пойду я.

– Куда ж ты через всю деревню ночью. Ты оставайся, я тебе в спальне родительской постелю!

– Не, я пойду! Там вроде дождь накрапывал. Пока ливень не начался, добегу.

– Так он уже начался! Да ты не бойся, Вить! Белье свежее, и в комнате я прибралась, как приехала. Там хорошо! А то еще поешь. Проголодался ведь за два часа, а?

– Ну, есть немного... Я бы остался и поел. И по рюмочке еще пропустили бы... А вдруг как Ирка узнает? Она скандал закатит!

– Да про меня узнает – не закатит. Если б кто другой... – засмеялась Сима. И наполнила Витину рюмку.

Тот оглядел Симу с головы до ног:

– Ну да, из-за тебя не закатит. А так она ревнивая... – и выпил.

– А вы с ней... Ну... – Сима ждала ответа.

Но Витя отчаянно замотал головой:

– Да нет еще. Она до свадьбы ни-ни... Ну, короче, не доверяет! – вздохнул парень.

– Ну ты-то твердо решил в ЗАГС идти?

– А то! Мы ж с пятого класса вместе. Да ты помнишь...

Сима внимательно и долго посмотрела на Витю, как-то недобро усмехнулась:

– Помню! Все я помню, Витя!

Грянул гром, сверкнула молния за окном.

– Ну вот видишь, гроза какая знатная. Оставайся, другого выхода нет просто. Оставайся, – тихо повторила хозяйка.

Она говорила таким убежденным голосом, что Витя, словно попав под ее гипноз, опять повесил пиджак на стул...

– Твоя правда...

Наступила ночь. Виктор мирно спал на кровати Симиных родителей. И не увидел он, как в дверях появилась Сима в длинной ночной рубашке. Медленно она подошла к кровати, медленно откинула одеяло и легла рядом. Повернулась к спящему Виктору. Провела пальцем по его лицу. Глаза ее светились счастьем. Виктор резко вскочил:

– Ты чего здесь делаешь? Ты чего, офонарела совсем? Ты чего? А ну уйди!

– Не уйду! Никуда и никогда от тебя не уйду! Ты слабый, а я сильная, я тебе нужна, а не Ирка. Я твоя половина, а не она!

– Да ты с ума сошла. Ты на себя глянь в зеркало, дура!

– У меня в доме зеркал нет. Все перебила! Понял? И слова мне твои не страшны!

Снова грянул гром. Только Сима перекричала тот гром. Она кинулась на Виктора – точно большая белая гора...

– А будешь уходить – кричать стану. Кто поверит, что ты тут просто так, а? Все твоей Ирке доложат! И тогда уж не спасешься, ничего не докажешь!

Утром Виктор был полон тяжелых раздумий. Как такое могло с ним случиться? Что это вообще было? Как он не отбился от жабы, остался... Не то что другим, как это самому себе объяснить!

Несколько недель ходил смурной и напуганный. Все ждал, что Сима на горизонте появится. Но она не появлялась.

Прошел почти месяц. Вроде как можно было забыть о неприятном происшествии. Только вот это происшествие имело необратимые последствия.

В тот день Сима пришла на деревенское кладбище положить букет на родительскую могилку. С ней пришла родных помянуть Мария Ивановна. Учительница почти не изменилась, только похудела немного, носик острее стал. Все с той же причесочкой старомодной и криво накрашенными губами.

– Симочка. Моя Симочка... Как же так вышло... – Мария Ивановна утирала глаза платочком. – Такие молодые оба были, такие красивые...

Сима молчала. Ни слезинки не проронила. Потом произнесла тихо:

– Ну уж вот так вышло... Вон сколько воды утекло с тех пор. Да вы, Мария Ивановна, не плачьте. Я к маме с папой с хорошей новостью.

– Это с какой же?

– Беременная я! – спокойно ответила девушка.

– Как? Ты что же такое наделала? И кто этот негодяй? Сима, говори кто! – Марию Ивановну словно током прошибло. Ну уж на кого б никогда не подумала, так это на Симку. Только с детдома вернулась – и на тебе, беременная... Господи, да кто ж на нее позарился?

– Пойдемте, не надо тут кричать, – сказала Сима учительнице. – И не негодяй он никакой, а любимый человек.

– Детдомовец? Ну, чего ты молчишь? Отвечай же!

– Наш, здешний. Я из-за него и вернулась. Все годы о нем в детдоме помнила! Бывало, кто обидит меня, я в кухне спрячусь, повариха у нас там была хорошая, тетя Шура, вот она меня к кухне и привадила... Ну вот, в кухне спрячусь, за котлом огромным, и о нем все думаю. Все годы думала. А теперь вот беременна! – улыбнулась Сима.

– Ужас, ужас-то какой, Симочка! А учиться как? А как же ты жить будешь? А? А что люди скажут? Вот что ведь главное!!!

– Что люди скажут – мне плевать. Главное, его сын будет. А он... Хочет – пусть женится, хочет – нет!

– Это когда ж ты успела! А? Ты признавайся-то по-хорошему, Симка! – вошла в роль Марья Ивановна. – Все рассказывай, ничего не таи!

– Так три недели назад и успела. Он в выходные ко мне приходил. Крышу чинить.

– И что? С одного раза все и случилось?

– Ну да... А чего, второй нужен? – не поняла Сима.

Учительница смутилась:

– Ну он тебя хоть... любит?

– Я его люблю. Это главное. А он свое дело, считайте, сделал!

– Это ты брось! Знаю я этих мужиков! Ох знаю!

– Как же вы это знаете, если замужем не были? Ладно, не обижайтесь на меня, Марья Ивановна... Я не со зла... только вот бездетной помирать не собираюсь, хороша я с рожи или нет. Я-то для себя это давно решила. А врачи говорят, чем раньше родить, тем лучше. Так что рожать буду точно!

– А раз такое дело – я поговорю с ним! – решила педагог.

– А чего с ним говорить. У него невеста есть!

– Значит, ты его просто затащила в постель? Ой, что это я сказала!

– Что есть, то и сказали, – спокойно ответила Сима. – Так оно и было! Затащила! Захотела – и затащила! Может, для меня это самое главное в жизни! Я ж не по дурости, не от блажи. Люблю его. Всю жизнь люблю. Так люблю, что даже самой страшно! Ну, пойдемте...

Сима спокойно пошла вперед. На полянке паслась лошадь. Девушка остановилась, залюбовалась животным. Мария Ивановна мелкими шагами семенила за Симой.

– Симочка, ты не бойся, я этого так не оставлю. Назови только фамилию!

– Зачем? Я сына на свою запишу!

– Ты что! Ты брось мне эти штучки. А ну говори фамилию! Я так не отстану! Колокольников... Нет, это же с прошлого выпуска... Гурьев... Нет, тот уж женился. А! Зорин! Как же я раньше-то не догадалась!

Сима вздрогнула. Мария Ивановна обрадовалась:

– Двоечник хренов... Ой, прости! Ничего, этого мы женим обязательно! Его бригадира внук в моем в классе. Петр Сергеич завтра на собрание придет! Все расскажу!

– Не надо! И не вздумайте.

– Как это не надо! Как спать, так первый. А как ребенок, так в кусты? Не выйдет! Не любит – полюбит. Не хочет – заставим! Не бойся, и не таких обламывали!

Сима перегородила дорогу учительнице, глядя на нее в упор:

– Марья Ивановна, вот что я вам скажу. Я свои проблемы сама решать привыкла. Так что, если надо, и сама скажу, не безъязыкая. Вы вон директора все любили-любили, а признаться

так и не решились. И чего? Сколько годов-то вам, сорок пять? А детишек нет как нет. На что такая жизнь, Марь Иванна...

– Да ты что, Сима, да чего... Да я... Да откуда? Откуда знаешь-то?

– Да ладно, все знают, вся школа. Да и вся деревня. Пойдемте, чего в поле зря стоять! – Она обняла растерянную учительницу. – Ко мне пойдемте, чайку попьем! Нынче только чай, наверное, и пьют в гостях!

Танцы в клубе закончились. Молодежь расходилась по домам, парочками и компаниями, почти все навеселе. Кто-то продолжал выпивать прямо у порога клуба. Другие пить открыто боялись. Дружинники могли замести, в стране – антиалкогольная кампания, пить в общественном месте значило проявить необыкновенную смелость!

Витя провожал Иру, обняв ее за плечи. Она его девушка, никто ничего не посмеет ему сказать.

Хулиганистый парень, большеглазый лысый Леня Зубов, полушутя-полусерьезно окликнул Иру:

– Ты чего, Ирка, к нему как прилепленная. Других, что ли, нет? Гляди, он кадр-то ненадежный! Через месяц свалит в армию – и поминай как звали! А мы уже в этом раю отгуляли. Ну, может, к нам, а?

Витя огрызнулся:

– Да пошел ты! Знаю я, в каком ты раю отгулял!

– Витек, я ж не тебе, я девушке. Я с тобой вообще не разговариваю. Ирочка! – прокричал Ленчик.

Ира улыбнулась в ответ ласково-призывно:

– А вот уйдет Витька в армию, Ленечка, тогда и пообщаемся.

Да еще помахала хулигану ручкой.

Дружки Ленькины заржали. А у Вити кровь к лицу прилила:

– Ты чего такое говоришь, а? Ты чего себе позволяешь? Ты знаешь, откуда он явился не запылится?

– А то не знаю, Ленчик это Зубов, освободился только. В тюрьме сидел, ну и что?

– Ну и чего ты уголовнику глазки строишь, а?

– Я тебе что, собственность? Чего меня за шкирку схватил и поволок? Чего ты вообще такое сделал, чтоб я тебя женой считала? Может, колечко подарил? – зло прошипела Ира.

– И подарю, когда надо будет!

– Когда надо будет, – передразнила красотка кавалера, – до пенсии не дождусь!

Витя обнял ее, прижал к себе:

– Ир, брось ты со мной так разговаривать, прошу тебя по-человечески, я ж все-таки мужик, а не тряпка какая!

– Ты мужик? Так ты мне это еще не доказал! Может, кому другому, только не мне!

Она рванулась, пытаясь уйти от Вити.

– Тебе чего, сейчас, здесь это доказать, да? – завелся он.

– Не! Здесь и сейчас не получится! Точно тебе говорю – не получится...

В темноте за забором притаилась Серафима и следила за ними. Она застыла как изваяние, чтобы быть незамеченной. И только зло и напряженно смотрела на соперницу.

– Да не провожай, сама дойду, вон, два дома осталось. А то мать все ругается на тебя – где я взяла такого непутевого! Девкам вон женихи подарки делают, а ты...

– Да сделаю я, сделаю, вон деньги к концу месяца получим! – оправдывался Витька. – Ты подожди только немного.

– И в прошлый раз так говорил! Долго ждать твоего конца месяца, ох долго! Боюсь, не дождусь! Ох не дождусь! – запела Ирочка, вырываясь из рук влюбленного Зорина.

Ира скрылась в калитке – дом-то ее рядом с клубом. Витя стоял как в воду опущенный, пошевелиться не мог. Ну, чем крыть? Подарков не дарит. Сам не передовик. Премий нет как нет... А она-то красавица!

Тут Серафима вышла из укрытия. Прикоснулась робко к его плечу. Витя вздрогнул от неожиданности:

– Ты? Тебе чего здесь? Подсматриваешь? Или чего уже наболтала? А? – Виктор с ужасом вспомнил происшествие месячной давности в доме Симы.

– Я не болтливая. Я, Вить... беременная. От тебя, между прочим!

– Че-г-о-о? – Глаза у парня округлились.

– Что слышал! От тебя и есть. Ирка-то замуж не хочет, не пара ты ей. А у нас ребенок будет. И служить ты не пойдешь! Отсрочку дадут, а там придумать можно чего-то.

– Ты кто такая? Ты чего в жизнь мою суешься. Да я тебя! Ишь чего придумала!

– Да не придумала я, правда это, матерью клянусь! – глядя ему в глаза, прошептала Сима.

Витя схватил Симу за шиворот, встряхнул... А тут и компания подвыпивших парней из-за угла вышла. И увидели их вместе.

– Вот это Витек! С одной ушел, с другой по углам обжимается. Вот это скорости космические! – заржал Ленчик. – Так это ж Сима, квакушка наша, вернулась со своего детдома... Лягушонка наша в коробчонке на карете приехала! Здравствуйте... И чё у вас тут, любовь намечается? Прямо вот тут, да? Отлично, а мы посмотрим!

Его дружки радостно зашумели. Витя недолго думая с размаху заехал Ленчику в рожу. На него кинулась вся компания. Били его жестоко. А Сима не стояла в стороне – дралась с мужиками на равных.

– Не троньте его, не троньте, я кому сказала!!!

В руках у Ленчика блеснула заточка. Сима нож увидела и успела крикнуть:

– Витя!

Витя обернулся в тот момент, когда противник кинулся на него, вонзил заточку ему в бок. Витя покачнулся...

– Пацаны, валим! – приказал Ленчик.

Сима увидела кровь на боку у Зорина, просочившуюся сквозь рубаху.

– Витя, Витенька, – не дала она ему упасть.

Вечером Витя очнулся. Лежал он на той самой кровати, где все месяц назад и случилось. Сима вошла, положила ему на голову холодную повязку.

– Скорую и милицию звать не стала. Чуть не убили тебя, гады. Не бойся, Вить, я любых твоих врагов отобью. И Ленчика обратно за решетку отправлю – свистнуть не успеет! Я сильная! А рана-то у тебя неглубокая, по ребру прошла заточка, ничего не задела. До свадьбы заживет.

– До какой еще свадьбы? – Витя в ужасе попытался подняться на кровати.

– Поженимся. Сын родится, дальше – как знаешь. Мне-то от тебя ничего больше не надо! – отвернулась Сима к окну.

– Вот тварь! Только о себе думаешь! А ты обо мне подумала?! А об Ирке подумала, а? Я ж ее люблю! Я ж без нее не хочу ничего и никого! А тебя так подавно! – крикнул Витька и бессильно упал на подушку.

Сима с усмешкой посмотрела на Витю:

– Чего я только не наслушалась. И такого, и похуже. А твоя Ирка обо мне и вовсе не думает. Кабы была девка стоящая, не тронула бы я тебя. Честное комсомольское, не тронула бы. А то ведь баба она дрянь дрянью! Продаст и бровью не поведет! Да как ты этого не видишь!

Витя снова попытался приподняться, но у него сильно закружилась голова. Он упал на подушки, тяжело дыша.

– Не отвечай мне, – тихо прошептала Сима, – потом ответишь. Сил у тебя нету. А у меня их много. И я с тобой поделюсь ими, силами своими! Потому что люблю тебя больше жизни.

– Ох и сволочь ты... – крикнул Витя, сорвал с головы повязку и кинул в Симу. – Убирайся!

– Да, сволочь, – обернулась Сима в дверях, – только не для себя одной стараюсь, Витенька, и для тебя тоже. Ты это потом поймешь.

Наутро соседки Симы снова сплетничали у забора.

– Видала его в окне? Витьку-то? Приворожила его, точно говорю. К ведьме Кузьминичне ездила в Лыткарино, где детдом ихний! Порошков-то привезла с собой небось! – сказала первая.

– Стиральных, что ли? – удивилась вторая.

– Тьфу, ну и дура ты. Откуда у них в Лыткарине порошок стиральный-то в продаже? У них как у нас – шаром покати. Ведьминых порошков привезла. Вот те и уродка, а парня приворожила! Да какого!

– Ерунду ты несешь, Зоя! Бабкины сказки. Никаких порошков в помине нет! – засмеялась подружка. – Она ему просто водку носит. Вот и все волшебство. Таньки моей муж, если ему бутылку показать, тоже становится как доброй волшебницей заколдованный. А потом, как выпьет, тарелки от ревности бьет. Ведь весь сервис побил, что я на свадьбу им подарила, сукин кот, злодей! Ненавижу!

– Что ты мне своим зятем глаза колешь? Дома на него наорешься. Вона, гляди!

В окне Симиного дома показался силуэт Вити. Он ходил по комнате, пошатываясь от слабости.

– Ну дела! Ну Сима! Отхватила себе кусок счастья. А как же невеста его? – задумались сплетницы...

Ира с матерью развешивали белье во дворе своего дома.

– Вот проворонила свое счастье, довыпендривалась! – возмущалась мать.

– Да что ты несешь, мама! Да он от меня никуда не денется.

– Да? Делся уже! Он у нее ночует. Ночует, ты это понимаешь или мала еще такое понимать? – крикнула мать с издевкой.

– Ночует? Тебе кто сказал? – замерла Ира с наволочкой в руках.

– Все! Только ленивый про это не болтает. Спит он с ней, поняла – спит! А ты дура дурой, даром что красавица. Мозгов тебе Бог не дал, думаешь, все рожей смазливой взять можно – так хрен тебе!

Ира замахнулась на мать мокрым полотенцем:

– Замолчи, врешь ведь!

– Я тебе покажу, как на мать руку поднимать. Я те покажу! – завизжала женщина. – Сама дура виноватая! Сама!

Вцепившись друг в друга, женщины сорвали веревку с бельем. Ире удалось вылезти из-под мокрых простыней, и, толкнув мать, она рванулась к калитке.

– Куда несешься, полоумная? Остынь! – кричала мать ей вслед.

Но разве ее догонишь...

Как угорелая неслась Ира к Симиному дому. У забора она чуть не сбила с ног соседок-сплетниц. Даже не поздоровавшись с ними, без стука ворвалась в дом. Соседки переглянулись.

– Вот теперь уж точно будет кино и немцы, – сказала первая.

Симы дома не было. А Витя все мерил шагами комнату, все маялся: как же быть ему теперь? Как через все село домой идти?

Дверь хлопнула, Витя вздрогнул... На пороге стояла Ира собственной персоной.

– Ты? – остолбенел Витя.

– Я! Не ждал? А вот пришла сама! Вот тебе!

В бешеной злобе Ирка, словно фурия, закатила ему такую пощечину, что парень отлетел к стене.

– Не ждал? Не ждал, да?! – вспыхнула Ира. – А я вот она. И знаю теперь, что мать правду-то говорила! Где эта жаба? Убью ее! Где?

– Ты, Ирка, стой, погоди... Я тебе потом все объясню, – лепетал Зорин, – ты не горячись!

Но остановить Иру было невозможно.

– Ты про любовь мне вещал, а сам с жабой спал. И теперь у нее отсиживаешься! Да надо мной вся деревня в голос смеется! Урод ты, козел! Никогда к тебе не вернусь, никогда, так и запомни! А жабе своей передай... Убью! Покалечу, глаза выколю!

Витя поднял глаза на Ирину:

– Не сейчас только. Беременна она.

– Что?

До Ирки не сразу дошел смысл Витиной фразы. А как дошло, захохотал Ира как безумная.

– Ах, вот где собака-то зарыта! Беременна... Со мной фокус не прошел, а с этой, значит... Ох, дешевка ты, Витька, день тот проклинаяю, когда с тобой связалась, дешевка. Только из-за этого? Чтобы от армии отмазаться? Да? Да!

Не выдержал Витя тех слов, схватил Иру и силой вытолкнул вон.

– Уходи, уходи и больше не появляйся! Уходи, слышишь!

Вот так и выгнал свою любимую, сам того не желая. Выгнал, да и затосковал страшно – любовь для него кончилась. И счастье тоже. Потому что Ирочка Долгова была Витькиным счастьем...

Домой Витя ушел через пару дней, рана и впрямь оказалась неглубокой. Ушел, даже не попрощавшись с Симой, – в глаза ей противно смотреть было...

К Симе нагрянула Мария Ивановна собственной персоной. С загадочным видом достала из потрепанной сумочки фату, старомодную, смешную.

– На, Симочка. Себе шила когда-то. Да вот какое дело – не пригодилась. А ты надень!

– Да куда уж! Какая мне фата, Марь Иванна? – возмутилась Сима.

– Я Марья Иванна, а ты у меня Серафима Ивановна. Мы с тобой как родные. Так что надень. Надень, говорю! Я все надеялась-то на счастье с Сергеем Петровичем, ну, с директором нашим, ты знаешь... а он женатый. Побоялась я семью рушить да свое счастье строить... Зря, может быть, Симочка. До сих пор на него глядеть больно. Ведь нет ему с женой счастья. Да и не было никогда. А ты надень и за себя, и за меня! И счастливой будь. За нас обеих. Ты сумеешь, Симочка. Потому что не ленивая ты у меня. Работящая. И человек ты у меня хороший!

Сима усмехнулась:

– Что ж, счастье, по-вашему, тоже, что ль, работа?

– Еще какая! Самая тяжелая на свете... Поживешь – узнаешь. А теперь вот что: с ЗАГСом договорилась, распишут вас дома. И месяца ждать не будут. А на Леньку-сволочь ваше дело – подавать заявление в милицию, не подавать...

Сима голову опустила:

– Витька сказал, подавать не будет. Скандалов не хочет. Да и мать Ленькину жалко.

– Знаю. На младшего сына похоронка пришла три месяца назад. Погиб в Афгане. Один у нее Ленька, хоть и гад... Ну а Витя-то как?

Сима махнула рукой. Никогда он ее не полюбит. Тащит она его под венец – вот такое положение. Силком тащит!

На следующий день в поле мужики окружили Витю.

– Ну чё, Витек, говорят, женишься? Чего ж теперь, армия побоку? Что мне, одному теперь топать? – спрашивал друг Андрей с укоризной.

– Чего одному? А Толик Лунев? – пробубнил Витя.

– Сравнил себя с Толиком. Ты мне друг, а он кто?

– Ничего, подружитесь! Сам же говорил: заделай Ирке ребенка, от Афгана откосишь!

– Ты чего, шуток не понимаешь? А потом я ж про Ирку! – засмеялся Андрюха. – Слушай, а ты сколько выпил, чтоб с этим крокодиллом Симкой лечь, а? А то про завтра-то думал – чё делать-то будешь? Как же ты всю жизнь по утрам от страха такого просыпаться станешь?

Проходящий рядом дядя Петя посмотрел на Зорина недобрый взглядом.

– Что ж ты, Зорин, с одной гулял, а на другой женишься? Не по-советски это! Не по-людски! – возмущенно заявил бригадир.

– Да не женюсь я, вот пристали! Чего в душу лезете, а? Дался я вам! Кто это ляпнул, что я жениться собрался? – заорал Витя.

– Это как же не женишься, если обрюхатил, да еще сироту! – еще пуще завелся дядя Петя.

– А вот так не женюсь, и все! Да откуда вы про это знаете? Кто вам сказал, что она беременная! Андрюха наплел, да? Ну ты друг!

Андрюха от страха голову вжал в плечи:

– А чё я, чё я, вся деревня знает!!!

– Не женюсь я, не женюсь! В армию пойду! И не подумаю жениться! – бесновался Витька. – Не хочу я жениться на этой!

А все глядели на него и только головой качали. Куда, мол, ты денешься-то, парень?

А он не сдался – добровольно в военкомат пришел. Хочу, мол, служить!

Военком – подтянутый дядька лет сорока пяти – отчитывал Витю:

– Как мужик мужика я тебя понимаю. Я ее видел, эту твою Серафиму, потому как она вчера приходила сюда. Просила за тебя. Ну и это... Справку принесла из медучреждения... Понимаю, Витя! Но как советский человек советского человека... Нет! Извини! Сделал дело – вымой тело! Тьфу... То есть я хотел вот что тебе сказать... что жениться надо!

Он сел к Вите, обнял его по-отечески за плечи:

– Сынок, надо, понимаешь!

– Да же я же сказал – я хочу выполнить этот... Свой... Свой интернациональный долг!

– Да не интернациональный, мать твою, – взревел военком. – Как я людям в глаза смотреть буду, если тебя там убьют, а? В Афган, говоришь? Там же страшный ад!.. А тут сын родится! Вить, надо жениться! Это единственный выход, понимаешь!

– Нет! Не хочу! Не буду! Да с какого перепуга вы решили, что ребенок мой? Может, она нагуляла, этого ребеночка!

– Она? Нагуляла? Ну ты шутник! – Военком хмыкнул. – Видал я твою Серафиму. Кто к ней станет-то приставать, к такой-то... ой, прости... Женись, Витенька, всем легче будет!

Короче, с армией не вышло... Угроза женитьбы давила на Зорина. И никуда от нее не деться.

* * *

В клубе закончились танцы. Молодежь расходилась веселыми шумными компаниями. На лавочке пьяный Витя с пьяным другом Андреем допивали бутылку.

– Люблю я Ирку, понимаешь, люблю! – чуть не плакал Витя.

– А чё прогнал тогда?

– Так она ж не мириться приходила, не выяснять. Сразу кинулась, как змея, дешевой обозвала. Ты б стерпел?

– Я б не стерпел, – зло стукнул по лавке кулаком Андрей. – Я б с такой стервой ни одного дня не стерпел! Чё любить-то там, я не понимаю? Одни кудри да глазки? Да стерва она!

– Убил бы! Убил! – завелся Зорин.

– Кого? Симку или Ирку?

– Обоих! Всю жизнь порушили! – зарыдал Зорин.

Вот ведь действительно – порушили. А он-то ни в чем себя виноватым не чувствует...

В бессильной злобе ударил Витя бутылкой о дерево. Расколосась она на мелкие кусочки. Андрей испуганно обернулся: не видел ли кто?

– Э-э! Ты потише! Менты набегут, самогонку увидят – пиши пропало. Ща, брат, за самогонку-то как за убийство. Слышь, Вить... Ты Симку пока не трогай. Все ж таки твой ребенок, она б врать-то не стала. Пожалей ее, да хрен с ним, с этим паспортом. Надо ей штамп – пусть будет штамп, испачкай паспорт, не бойся! Твоей же кошке драной, Ирке, больней будет! А ревность-то она сильней любви. Может, поумнеет Ирка? Да к тебе вернется? Ревность великая сила!

– Это ты в кино такое видал? – заорал Витя.

– Да, и в кино тоже! Тише, тише... Да чё ты, ладно, не мучь себя, регистрируйся. В драку ввяжемся, там посмотрим!

В эту минуту на площадь перед клубом влетел милицейский уазик с мигалкой. Два мента выскочили, за ними – еще два...

– Атас! Облава на пьяных! Рвем, Витек, отсюда! – дернул друга Андрей.

Они скрылись в темноте, за деревьями.

– Тут найдут, двигаем дальше!

Они побежали по темной улице, вслед раздавались милицейские свистки и гул толпы...

Витя остановился, отдышался. И Андрей остановился:

– Ты чего, Вить?

Вите трудно было бегать – рана еще свежая. Он держался за ребро.

– Да больно, Андрюх!

– Сердце, что ли?

– Нет, порез... Сердце по-другому болит.

Андрей подошел, другу руку на плечо положил. Жалко стало Витьку.

– Отболит у тебя сердце по Ирке твоей. Не бойся! Жизнь-то длинная! Ну, решайся! Добровольно решайся, все равно не отвертишься!

Вот она, свадьба деревенская! Дома у Симы накрыт свадебный стол. За столом гостей человек пятнадцать с молодыми Симой и Витей во главе. Витя угрюм, молчалив, невесел. Костюм на нем сидел как на корове седло. А галстук и вовсе набекрень съехал, хоть и трезв был жених.

И Сима невеселая. В том платье, что Витю встретила, и в учительской фате, укороченной только.

Вся Витина бригада за столом. И соседки Симины, тетки-сплетницы. И Мария Ивановна – радостная, оживленная – командует весельем:

– За здоровье молодых! Совет им да любовь, да детишек крепких! Сегодня, друзья, рождается новая советская семья. Как этому не радоваться! Они же ко мне в школу вот такусенькими ребятишками пришли. А несколько лет пройдет, и своих приведут учиться. Будьте счастливы, Симочка и Витя! – Она всхлипнула. – Ну, горько!

Все закричали:

– Горько!

Нехотя встали из-за стола Сима с Витей. Осторожно и нежно поцеловала жениха в щеку невеста. А тот стоял как каменный. А гости все подначивали:

– Ну, давай еще! – и снова кричали: – Горько!

– А лица-то у обоих не как на свадьбе, а как на похоронах! – шепнула первая соседка подружке.

– Дура ты, Зоя! От того, что зять мой сидел на свадьбе гоголем, много ль Танька моя радости видела? – зашипела вторая.

– Думаешь, эта, что ль, увидит? Бросит он ее, вот на что хочешь спорим, через полгода бросит!

Бригадир дядя Петя повернулся к Андрею в недоумении:

– А я чего-то не понял. Что, кроме шампанского тут ничего не наливают, что ли?

– Нет, дядя Петя. Как говорится – от безалкогольной свадьбы к непорочному зачатию! – хохотнул Андрюха.

Дядя Петя махнул рукой:

– Да знаю я, что ей по весне родить. Мы-то за что страдаем. Вот тоже перестройка – в магазине с двух часов, да свадьба вот без водки. А колхоз как нищал, так и нищает!

– Ты чего, выступать сюда пришел? Вон в газету пиши, сейчас все пишут. Торжество тут! – прервал его младший товарищ. – Не важно, алкогольное, безалкогольное. Понял? Горько!

Гости снова подхватили свое «горько». Только жених и невеста вовсе не хотели целоваться. У Зорина лицо как на плаху ведут. Да и у Симы не краше...

Мария Ивановна частушки под баян затянула, но веселья это не прибавило.

Андрей склонился к уху бригадира:

– У меня, дядь Петя, в пиджаке самогонки Нинкиной чекушка, будешь?

– Нинка – святая женщина! – обрадовался дядя Петя. – Вся округа без ее самогона перемерла бы! По молодости все про нее говорили – б... да б... А она оказалась святая! И берет недорого, и гонит справно! Все пьют ее самогонку – никто еще не помер! Так поделишься?

– А то!

Во дворе своего дома Ирка грузила в машину чемоданы. В город собралась. Поцеловала мать на прощание:

– За меня не бойся! И гони ты своего сожителя-алкаша. Молодая баба, еще жизнь свою можешь устроить!

– С кем? С таким же алкашом? Они ж в этом возрасте все-все такие, доченька. Ты б свою жизнь устроила, а мне больше ничего и не надо! – заплакала мать.

Ирка тряхнула густой гривой:

– Да ладно, мама. За меня не бойся, я свое зубами оторву. Поняла? Я в канавах барахтаться не буду. В город еду – и в городе себе жизнь устрою. И дети мои городскими будут, поняла?

Мать вытерла слезы.

– Мечтать-то не вредно. Да кто тебя там ждет? Мужики – люди ненадежные. Вон на Виктора твоего погляди. Ведь женится же на жабе, а тебя, красавицу, бросил...

Ира вскипела:

– Я его бросила, а не он меня! Сколько раз говорила – про него больше ни слова!

Загудела машина, что ждала Ирку.

– Да иду я, иду!

Она побежала к калитке, мать за ней. Обняла дочку:

– Как ты там, дите ты мое...

– Ну, хорош тебе нежничать. Не помирать еду – жить! – оттолкнула ее дочка и прыгнула в машину, хлопнув дверью. И поехала...

Свадебное веселье с песнями продолжалось – как и положено. Только невеселую песню пел нестройный хор голосов, а печальную, про несбывшуюся любовь: «Но нас с тобой соединить паром не в силах – нам никогда не повторить того, что было!»

И Витя с Симой по-прежнему сидели с кислыми лицами. И у гостей физиономии не веселее.

Проезжая мимо Симиного дома, Ира услышала «Паромщика».

– Ну-ка, тормози! Я им добавлю веселья, – сказала она, чуть не на ходу выскакивая из машины. Как шаровая молния, она ворвалась в большую комнату.

Ее сразу увидели только Сима с Витей, потому что сидели лицом к двери. Витя встал. Сима вслед за ним. А Ирочка с порога выпалила:

– Будь ты проклята, жаба!

Гости обернулись. Песня стихла.

– На чужой беде хочешь ты себе счастье построить? Ни фига у тебя не выйдет, Симка. Жабой ты была, жабой и останешься!

– Ты что такое, Ира, говоришь? Ты, что ль, ему счастье хотела принести? А? – возмутилась Мария Ивановна. – Ты чего без спросу врываешься в чужой дом, людям веселье портишь?!

– Да замолчите вы, не на уроке! – прервала учительницу Ира. – Ну что, воровка, слова сказать не можешь? Подавилась тем словом! Нет тебе счастья и не будет. Горько!

Она с силой дернула на себя угол скатерти. Посуда и еда опрокинулись на гостей. Поднялся переполох.

А Ира была такова – заскочила в машину. И – исчезла через миг.

– Гони давай! – крикнула она шоферу.

– Ты что творишь, а?! – обалдел тот. – Ты чего им свадьбу попортила?

– Не твое дело!

А в доме шумели гости. Витя выскочил за калитку, бежал за машиной в клубах пыли и кричал:

– Ира, прости меня, Ирочка, стой! Люблю тебя, слышишь, люблю! Ира!

Он упал на дорогу. Когда открыл глаза, над ним стояла Серафима.

– Пойдем, Вить. Перед людьми стыдно!

Зорин поднялся на ноги, схватил невесту и закатил ей оплеуху.

– Стыдно! Мне жениться на тебе стыдно! Стоять с тобой рядом стыдно, не то что в койку ложиться. Стыдно и противно, поняла? Поняла? Ты поняла меня?

К ним выбежала Мария Ивановна.

– Зорин! Зорин, прекрати! Отпусти ее! Она же ребенка твоего носит, ирод ты!

Новоявленный муж тряс Симу, как грушу.

– Убил бы, если б знал, что не сяду!

– Убивай! Только вот родить дай и убивай! – закричала она.

Витя уже замахнулся, чтобы снова ударить Симу. Только ее последние слова его отрезвили. Развернулся, качаясь, пошел к дому. Мария Ивановна бежала за ним.

– Зорин, извинись сейчас же, слышишь? Извинись, тебе говорят!

Витя зло обернулся:

– А то что? Из класса выгоните? Не за что мне извиняться. Сами знаете – не я виноватый!

Гости сгрудились у окна: смотрели, как идет Виктор, за ним семенит учительница, а следом шагает семимильными шагами большущая Сима.

- Так если бьет, может, тогда любит, а? – спросила первая соседка подружку.
- Ну ты сказанула! Слышь, Андрюх, самогонки-то не осталось? – вспомнил бригадир дядя Петя.
- Обижаешь, бригадир! В пиджаке-то два кармана!

Молодые вошли в комнату. С пола уже прибрали, стол к стене отодвинули. В комнате появился сельский фотограф со стареньким фотоаппаратом.

– Я чуток припозднился, а тут уж глядь – все попили да поели! Да и драка, видать, уже была... Это хорошо, на свадьбе полагается!

– Ой, да мы чего-нибудь сейчас сообразим вам выпить-закусить. Нюра, что там на кухне осталось? Неси Андреичу! – крикнула по-хозяйски Мария Ивановна.

– Потом, потом выпить да закусить! – отмахнулся фотограф. – Давайте все в кучку, сделаем фото на память. Вот, веселей гляди, Витек, ну, улыбочку. Серафима, извиняй, конечно, ты б синяк-то припудрила.

– И так сойдет! – мрачно пробубнила Сима.

Тетки шикают на нее осуждающе, но фотограф торопится:

– Быстрой, товарищи дорогие! Мне еще лучших доярок на стенд снимать – в будний-то день их и не соберешь. Кучней, кучней. Вот, отлично!

– До родов с тобой доживу. Потом делай что знаешь! – сквозь зубы процедил Витя Симе.

– Улыбаемся! Снимаю! – звонко крикнул фотограф и щелкнул своим аппаратом.

Вот так они и получились на фотографии: жених с лицом человека, напившегося уксусу, и невеста с фингалом под глазом, в платье в горошек и старомодной короткой фате.

Глава 3

Эта свадебная фотография так и висит на стене. А под ней на диване сидит Сима с огромным животом и готовится к экзамену.

В окошко заглянула Мария Ивановна:

– Симочка, да ты не вставай лишний раз, у тебя открыто?

Учительница зашла, засуетилась у стола, вытаскивая продукты:

– Вот тебе, Симочка, варенье свежее. Клубничное. Вчера клубника с огорода, сегодня уже в банке с сахаром.

– Марь Иванна, да нельзя мне клубнику, аллергенная она!

– Господи, я же забыла совсем! Вот дура-то! Но пирог-то с капустой можно?

– Можно! Хотя, конечно, поправиться боюсь. И так уж разнесло!

– Ничего, Симочка, богатырь у нас родится! – заулыбалась учительница. – Ты ешь, ешь, не бойся.

– Да мне, в общем, бояться нечего. И так не худая была. После родов, наверное, ни в одну дверь не пролезу! – хмуро пошутила Сима.

– Да брось ты на себя наговаривать! Ешь, тебе говорят. Тебе силы нужны! Сессию-то поедешь сдавать?

– Ну а как! Вот готовлюсь.

– А не тяжело?

– Да ведь сами знаете – никогда не тяжело то, что в охотку делаешь. Мне всегда нравилось книги читать.

Мария Ивановна вздохнула понимающе:

– Это я знаю! Ну а... а Витя – как?

Сима помрачнела:

– Опять третий день не ночует. Пьет... Понятное дело.

– Ты меня, конечно, извини... Может, это и нехорошо... Да, я наверняка знаю, что нехорошо... Но все же! Может, к ворожее? Помогает, говорят... Тут живет одна, в лесу-то, за деревней. Ей уж за девяносто перевалило – опыт! – зашептала гостья.

– Марь Иванна, ну что ж вы-то, женщина образованная, а туда же! Никакое колдовство не поможет тут. Не любит он меня! Это ясно было... Сглупила я, должно быть, а только вот если все сначала начать – я б опять так поступила. Потому что мой он. Я ему нужна, а не она. И на все Иркины проклятия мне начхать!

Мария Ивановна задумчиво помешала чай ложечкой:

– Ты... ты про Иру-то слышала?

– Слышала. Слышала, что замуж она в городе вышла, днями. Витька тоже слышал. Потому и не просыхает... – вздохнула Сима.

– Симочка, милая, что ж ты в нем нашла, а? – вдруг искренне закричала Мария Ивановна. – Дурак ведь неотесанный, прости, пожалуйста, деревенщина...

– Ну давайте, вы еще про помидоры вспомните! Как тогда, в пятом классе! Да ведь какая разница, за что любишь? Главное, что любишь – и точка. И жизнь готов положить за этого человека. И на край света за ним пойти...

– Это ты готова, а он? Думала: остепенится с твоей беременностью, а он... Работу забросил, пить начал. На что жить будете, Сима?

– Заработаю. Мне бы только родить. А там я быстро на ноги встану. Я и теперь-то без дела ни минуты не сижу.

Сима кивнула на швейную машинку в углу комнаты.

– Тете Зое кофту с юбкой за ночь сшила. А дяде-Петиной жене шаль вяжу, ажурную, из ангорского пуха. Спасибо маме, научила меня ручками работать! А давайте я вам тоже платье сошью. Ну, платье новое, а? Весна ведь!

Учительница испугалась:

– Зачем мне новое-то? Я что, помирать собралась? Мне теперь, Сима, только по этому случаю и может новое понадобится!

– Да что ж вы на себя наговариваете? Мы еще на вашей свадьбе погуляем...

– Скажешь тоже! Это если только дед какой овдовеет! Но я, знаешь, Сима, за деда не пойду!

Обе засмеялись. А потом вдруг Сима спросила серьезно:

– А за кого эта вышла... Ирка, слышали вы?

– Ну... Говорят, какой-то большой партийный начальник! В возрасте... Ей-то вот все равно – дед не дед, лишь бы начальник да с деньжищами...

Месяц прошел с Иркиной свадьбы. И прикатила к ней мать – поглядеть на ее хоромы городские. А поглядеть есть на что!

Квартира большая, светлая, хорошо обставлена. Ирка красуется перед мамой в новых туалетах. Ну не узнать, какая стала красавица. И уж не коса у ней, а по плечам волосы распущены. И брюки на ней шелковые. И поясок золотой... Царица!

Мать, прямо-таки рот разинула. А дочка ей майку новую протягивает:

– На, мамуль, носи на здоровье!

А на майке надпись английскими буквами... Таких маек ни у кого в деревне просто нет!

– За подарочек, дочка, конечно, спасибо, только больно яркая!

– Носи, носи, надо со временем в ногу шагать!

– Господи, дочка, и стенку в гостиную купили? Дорогушая, наверное?

– Да, дорогушая, а как ты хотела, мам? Пятьдесят лет с одним бабкиным шкафом, как ты, да? Нет уж, у нас все по-современному. Вот еще в кухню гарнитур купим новый – вообще будет караул!

– Да чем же этот плох?

– Темная ты! Гене все новое полагается. Он в райкоме партии работает, а не коз пасет. А что ему сорок исполнилось – так это не страшно. Годы – не самый большой грех для мужчины. К тому же у меня Геночка боксер. В прошлом, между прочим, чемпион города в легком весе. Спортом до сих пор занимается, форму держит.

– А что же он, Гена твой, до сорока лет дожил да только теперь женился?

– Мама, я ж тебе сто раз говорила: он вдовец, – капризно повела плечами Ирочка. – И к счастью, без детей! Так что я ему и за жену, и за доченьку. Вот смотри, что он вчера мне подарил!

Ира вытащила из ящичка стенки коробочку, в ней жемчужное ожерелье.

– Гляди! У себя в деревне такого не увидишь! Жемчуг натуральный! Ну как, подходит? А вот еще ниточка бус к другому платью, этот жемчуг и вовсе розовый! Сейчас еще такое покажу – упадешь!

Она убежала в другую комнату. Мать в это время робко подошла к окну, открыла его. За окном городской гул.

– А вот и я! Ну?

Ирка появилась в новом вечернем платье. Платье до полу. И все украшено блестками... Красивое такое, что даже на картинках не всегда бывает.

– Ой! Это что же, кримплен? – удивилась мать.

– Какой к черту кримплен! Твой кримплен уже десять лет как из моды вышел! Это Геночка из Венгрии привез. У него постоянно командировки заграничные... А ты все зудела:

Зорин, Зорин. Хороша б я была, дура, если б замуж за него, нищего, вышла! А я умная, я за Гену вышла.

– Да уж, наверное, правду говорят: не было счастья, да несчастье помогло. – Вздохнула мать. – А Зорин твой пусть с Симкой мается! Дочка, а машины-то как за окном шумят, страсть прямо.

– А мне нравится. И что гарью и копотью пахнет – тоже нравится! Все лучше, чем навозом. Я городская. И домой никогда не вернусь, ни за что! Вот так-то!

Она подошла к матери и вдруг спросила тихо:

– Мам... ну а Зорин-то что? Пьет, наверное, а?

Мать усмехнулась:

– Так тебе же до него дела нету!

– Ну а все-таки?

Витя пил. Каждый день пил. Работу забросил. Дома почти не появлялся – горе заливал.

На скамеечке у клуба он с двумя дружками-алкашами глушил самогонку. Одним огурцом на троих закусывали, хрупая его по кругу. Собутельники его – пожилой дядя Митя, с пропитым лицом мужик лет шестидесяти, и совсем еще молоденький Лешка, пацан еще, можно сказать.

– Ну, хорошо пошла. Дай Бог Нинке здоровья – знатную самогонку гонит. Если б не она – померли б всем селом, – похвалил Нину дядя Митя.

– Это точно! А вот соседний-то район, Ольховский, тот вообще безалкогольным объявили. Вот там вешалка! – сказал Лешка и весело опрокинул стакан.

– Это точно. Отбери у человека бутылку, и что в итоге останется? – поддержал его Витька.

– А ничего. Все радости жизни поотнимали. До последней добрались... – возмутился дядя Митя.

– Нет, дядь Мить. Последняя – это бабы! – вставил Леша.

– Какая там радость? Ты Витькину жену хоть раз в глаза видел?

– Ну видел.

– Это радостью можно назвать?

– Не, нельзя! Точно нельзя! – засмеялся Леша.

– Ну вот, не знаешь, а говоришь!

Хоть и хаяли они его жену, а не вступился за нее Виктор. Да и какая она ему жена! Стерва, всю жизнь испортила!

– Была у меня радость, – вздохнул пьяный Зорин, – так в город уехала. Муж у нее в райкоме работает. Твоего возраста, дядь Мить... А ей, суке, нравится! И хата, говорят, у ней отдельная, в три комнаты. И добра полон дом. И на машине его персональной, белой «Волге», ездит она маникюр делать!

– Врешь наверняка! – съязвил Лешка.

– Что это я вру? – оскалился Витя.

– А то врешь, что если б она на его служебной «Волге» в маникюр ездила, то ее мужа давно бы уволили.

– Кто ж его уволит-то? Он начальник. Это вон Витьку отовсюду уволили, – вмешался дядя Митя.

– Не твое дело. Я вон, может, скоро к председателю в шофера личные пойду! – заявил Зорин.

– Это ты точно заливаешь! – не выдержал Леша. – Не возьмут тебя.

– Что это я заливаю? – озверел Витька.

– Не возьмут тебя, лютая алкашня ты! Алкашню и прежде не жаловали, а теперь вообще гнобят. Пить – здоровью вредить. – С этими словами Леша снова опрокинул стакан.

– А я так по-другому слышал! Кто не курит и не пьет – тот здоровеньким помрет! – хихикнул дядя Митя. – Мы, Вить, с Лехой на кровные трудовые копейки пьем, а твоя... прости господи... царевна-лягушка и шьет, и вяжет, и огород копает на девятом месяце своей драгоценной беременности, и тебя, дармоеда, содержит! Ты ж дармоед!

– Не твоя печаль! Пусть пашет! На то она и жена! – заорал Зорин.

– Козел ты, Виктор. И точно загремишь за тунеядство, – заявил нетрезвый Леха.

– Не загремлю!

– Загремишь! – хихикнул Леша. – Ой загремишь!

– Сейчас ты у меня загремишь! – И Лешке в морду кулаком – хрясь. А потом лавочку перевернул, вместе с недопитой самогонкой... И понеслась драка, даже дядя Митя разнять не смог.

Ну а вскоре что менты приехали...

Сима с огромным животом еле поспевала за милиционером.

– Опять его в парке взяли, Серафима. Вон в «обезьяннике» сидит и лыка не вяжет! – вздыхал участковый на ходу. – Ну куда ж это годится... Ты проходи, погляди сама!

Сима зашла в отделение. За решеткой «обезьянника» сидел на лавке понурый Витя. Сима посмотрела на мужа. Тихо прошептала:

– Пойдем, Вить!

– Не пойду никуда.

– Не позорь перед людьми. Пойдем домой.

– Здесь мой дом. Все одно: клетка.

– Не дури, Вить, мне родить на днях!

– Тебе родить – ты и иди!

– Пойдем. Я щей сварила кислых. Поешь – полегчает, – мирно просила она.

– А я не хочу, чтобы мне легчало! Вон в мусорку их вылей! Уйди!

– Никуда я не уйду! – упрямо заявила жена.

Подошел милиционер, открыл дверь «обезьянника» ключом.

– Да выходи ты, Зорин!

Витя сидел в клетке не шевелясь.

Сима вошла в «обезьянник», тихо села рядом на лавку рядом с мужем.

– О чем думаешь, Вить?

– Не бойсь. Не о тебе – об Ирке думаю, – усмехнулся Витька.

Весна в разгаре. Из подъезда выскочила Ира. И впрямь у подъезда ее ждала белая «Волга». Шофер, смазливый мальчик лет двадцати, угодливо открыл дверцу.

– Здравсте, Ирина Александровна. Куда едем?

– В парикмахерскую. Поторопись, Валя, а то опаздываю!

Белая «Волга» горделиво едет по улицам города – Ирочка спешит в парикмахерскую!

– Нравится мне, Ирина Александровна, что вы за собой так ухаживаете! Через каждые три дня – новая прическа. Как птичка – чистите свои перышки. И парфюм у вас всегда хороший. Французский, наверное!

– Ну а как ты думал? Конечно, французский, – заулыбалась Ирочка. – Я сама, Валечка, живу здесь, в городе, почти год – и всему не нарадуюсь! И Геннадий Васильевич у меня такой внимательный! И мастера в моей парикмахерской отличные. Правду говорят – жизнь прекрасна, а временами – удивительна!

– Красиво вещаете, Ирина Александровна! Ну, вы ж в рядовом-то заведении не стали бы причесываться! У вас все элитное!

– А у меня и должно быть все самое лучшее и самое хорошее! – кокетливо заулыбалась Ирочка.

– И это точно! Нравитесь вы мне, Ирина Александровна. – Валя томно посмотрел на прекрасную пассажирку.

– Ой, брось ты глупости болтать. А то мужу пожалуюсь. Ну ладно, шучу, шучу! Все, приехали, останови.

– А я не шучу, Ирина Александровна. Вы вот только детей заводите не торопитесь!

– Валя, щас как дам! Нашелся мне советчик! – Ирочка снова засмеялась. – Да какие дети в мои годы! Я дачу планирую построить. Гене уже участок дали большой, соток двадцать. И никаких там огородов, а только розовые кусты, беседки и мангал для шашлыков. А детей пусть дураки заводят!

Медсестра везла на каталке новорожденных на кормление. Врачи в белых халатах ходили по коридору. Леша – Витин дружок – вышел из дверей кабинета. У него поверх одежды тоже был накинут белый халат. Витя стоял у окна, подперев стенку. Хмурый, и, видно, с бодуна.

– Ну чё? – спросил он.

– Ты даже не суйся туда. Там доктор Морозов – мужик суровый, а от тебя перегаром несет за три версты.

– Сказали чего?

– Сказали – роды сложные у нее. Положение плода, это... какое-то не то... Короче, ждать надо. А мы пока тут не нужны. Можно еще к Нинке сгонять, взять по чуть-чуть...

– А это мысль, – обрадовался Витька.

И стали они с Лехой мелочь считать, что по карманам завалилась...

Тут-то их и увидела бегущая по коридору Мария Ивановна.

Презрительно окинув взглядом их явно нетрезвые рожи, учительница заголосила на весь роддом:

– Зорин, шел бы ты отсюда, а? Иди, говорю! С какой бы я радостью схватила тебя за шкуру и вышвырнула сама, как щенка паршивого. Ни на что ты не годен, Витя, ни на что! В такой момент... пьяный... тьфу!

Доктор Морозов – пожилой, огромный, как гора, и впрямь очень суровый – вышел из кабинета:

– Тише, пожалуйста! Вы родственники Серафимы?

– Да, а что с ней? – встрепенулась Мария Ивановна.

– Сделаем, что можем, но, если честно, готовьтесь к худшему. Я, знаете ли, не оптимист по жизни. Правду люблю.

– Да что же вы такое говорите? – испугалась учительница.

– То, что есть! Ты муж? – схватил доктор Виктора за плечо.

– Да какой он муж! – завопила женщина. – Это не муж, это просто недоразумение!

Доктор поднял брови:

– Не понял?

– Да муж он, муж! – пролепетал Леша.

– Ты останешься, остальные пусть уйдут, – подвел итог Морозов, – а то кричите тут, как цыганский табор!

– Никуда мы не пойдем! Я ее тут не брошу. Какой он муж к чертовой матери – название одно... – продолжала возмущаться Мария Ивановна.

– Ну это вы потом решите. А пока один остался, другие – ушли. Положение, повторяю, серьезное, шутить с вами некогда!

Лешка еле увел возмущенную Марию Ивановну. А Виктор вдруг кинулся к Морозову:

– Доктор, ты мне ребенка спаси, спаси ребенка, слышь? Главное, чтоб ребенка ты спас!

– Пошли к ней! – приказал Морозов.
И, точно щенка в прорубь, закинул Витю в палату к Серафиме...

Она лежала на койке, корчась от боли.

– Мама! Ой, мамочка, ой... За что?

Витя вошел и опустился на стул. Жена кричала так, что ему стало страшно! Лицо Сима было покрыто испариной. Было очевидно, что ей очень плохо. Но Сима узнала его. Повернулась к нему:

– Чего пришел? Посмотреть на меня? Я виновата сама... Сама виновата... Украла тебя у Ирки... А вот теперь расплачиваюсь!

Виктор молчал.

– Одно прошу – обещай. Если со мной чего случится... сына не бросишь. Обещаешь?

Он кивнул.

– Ты поклянись!

– Клянусь! – еле выдавил из себя Зорин.

А сам с ужасом смотрел на перекошенное от боли лицо Серафимы.

– А теперь уходи! Уйди же, тебе говорят! Да уйди ты! – закричала Сима.

И он выбежал из палаты...

Ирочка в новеньком шелковом халатике в своей уютной квартирке наводила красоту – опробовала новые тени.

В дверь позвонили. Ирочка открыла дверь. О, как угадала! На пороге стоял красавчик шофер Валя с сумками.

– А, это ты. Ну проходи, – промурлыкала Ирочка.

– Вот, Геннадий Васильевич просил к вечеру все доставить. Ой, а какие духи у вас, Ирина Александровна. Прямо не жить! – Он закатил глаза.

– Да ладно! Французские, «Мажи нуар» называются. Черная магия! Прходи, неси продукты на кухню!

Шофер с сумками охотно двинулся на кухню. Ира возмущенно закричала ему вслед:

– Ну ты посмотри! Наследил по чистому-то паркету! Хотя бы ноги вытирал. Вот, честное слово, как будто не я из деревни, а ты. Господи, только ногти накрасила! Вот, вычищай теперь за тобой грязь, оно мне надо, а?

– Вам домработницу надо, Ирина Александровна! Как же можно такими-то ручками полы мыть? – Валя выгружал продукты на стол.

– Так и я давно говорю мужу! Продукты хоть хорошие принес?

– Простите уж меня, Ирина Александровна, ради бога простите! Вот, видите, сколько я хорошего принес! Тут и икорка свежая, и колбаска копченая...

Ира улыбнулась, увидев продукты:

– Ну, неплохо. А за Геной когда поедешь?

– Так ведь еще не скоро, Ирина Александровна. У них совещание сегодня, а это надолго!

Валя вдруг двинулся ближе к Ире.

– А духи у вас и правда магия. И вся вы – магия. Колдунья! Я вас как первый раз увидел, меня как током прошибло! Честно, не вру...

Ира смущенно запахнула шелковый халат поглубже.

– Ты это брось, брось... Что ты несешь...

А у самой грудь ходуном ходит от дыхания неровного – видно, что взволновало ее Валино признание!

Валя подвинулся к Ире еще ближе, взял ее за руки.

– А не брошу! Не могу бросить. Нет у меня таких сил!

– Перестань!

– Ни за что! Ирочка, Ирина Александровна...

Он набрался смелости и... кинулся коршуном на Ирку. Красотка сначала отпрыгнула от него к холодильнику, но когда он прижал ее к двери, ноги у Ирочки словно обмякли. Тут Валя и не растерялся, кинулся целовать ей шею...

– Я понимаю, как тебе несладко со старым мужем. Такая молодая, красивая... Королева прямо. Не бойся, не догадается, ни о чем он не догадается... Никогда.

Поцелуем впился в ее губы. А она и не вырывалась... Подхватил ее Валя на руки и понес в спальню, на супружеское ложе...

– Не бойся, ты ничего не бойся... Никто не узнает! Моя ты! Моя...

Ирочки закрыла глаза и млела от страстных Валиных поцелуев...

* * *

Вечером в доме Симы Витя и Леша пили, не закусывая.

Сима еще не родила. Ну чего им в больнице торчать? Взяли у Нинки бутылку – и домой, переживать, так сказать...

За окном гроза, грохочет гром.

– Ну а помрет она – вдовцом останешься. Вот и строй свою жизнь как хочешь... – тихо прошептал Лешка.

Витя угрюмо опрокинул стакан.

– Хоть и жалко ее, конечно, – вздохнул гость, – а на все, как бабушка моя говорила, воля Божья... Я слышал, у Симки и родители молодыми померли.

– Вон они! – кивнул Зорин на портреты Ивана и Лиды. Смотрели они с фотографии, точно осуждали зятя.

– Страшно-то как! Молодому помирать вообще страшно... – опять зашептал Лешка. – Нет, ты пойми, я тебя, конечно, больше жалею – все знают, что окрутила тебя, жениться насильно заставила... А все же смерти желать ей – грех на душу брать...

– Да заткнись ты, балабол! – озверел от его речей Витя.

– Вить, а ты чего же, хочешь, чтобы она... Того?... Не, ну честно, хочешь, а?

Витя с ревом вскочил вдруг, стол уронил. Точно кто его позвал – метнулся к двери. Ни зонта не взял, ни сапог не обул! Как есть выскочил на улицу. Побежал под дождем.

– Ты куда? Стой же, а! Стой! – орал из окна Леха. – Да бутылка ж еще почти целая! Недопили ж!

Бежал Витя так, точно его кто гнал. Спотыкался спяну, падал в лужи, но не останавливался. Дождь нещадно лупил его по лицу. А он все бежал...

Ноги сами его привели к роддому. У входа санитар преградил ему путь:

– А ну, домой заворачивай, ты же пьяный в лоскуты! Домой, я кому сказал...

Но Витя грубо отшвырнул санитаря:

– Пусти! Пусти! Жена там рожает да помереть может... Сын мой там! Сын! – И ворвался в больницу.

* * *

Ирочка нежилась в постели с Валею.

– Ну ты сумасшедший! Десятый час уже! – счастливо улыбаясь, вздыхала Ира. – А домой тебе не пора? Муж ведь скоро вернется!

– Да брось ты! Гена твой раньше одиннадцати не освободится. Дела у него поважнее, чем наши. Ах ты моя красавица! – Валя снова нежно обнял Иру. – Иди ко мне...

– Ой, как есть – псих ты! – захихикала она.

– Этот псих теперь от тебя не отстанет ни за что на свете, Ирулька моя!

– Да пойми ты, я Гены боюсь как огня! Хорошо, будем встречаться, только обещай, что не здесь! Он же в любой момент может вернуться!

– Ирина Александровна! Какая ты недоверчивая. Партия занята заботой о судьбах народа, – серьезно сказал Валя. – До одиннадцати вечера народ может отдыхать спокойно – начальство обкомовское к ним приперлось, я ж тебе уже говорил! Совещаться будут до потери пульса! А потом пить за всех членов политбюро по очереди и поименно! А я любить тебя буду до потери пульса!

– Ну и шуточки!

И они снова слились в поцелуе...

Витя бежал вверх по лестнице, туда, откуда доносились крики Серафимы. Это кричала она – он точно знал! За ним гнались два санитара, только ему на это было плевать. Ступени мелькали перед глазами, он оступился, остановился на мгновение... Вверх, вверх, вверх...

В городском доме Иры другие ноги в хороших ботинках поднимались по лестнице к лифту. Лифт открылся, оттуда вышла женщина с собакой.

– Добрый вечер, Геннадий Васильевич. А я думала, вы давно дома! Машина ваша служебная за углом с шести часов стоит! – улыбнулась она.

Геннадий Васильевич посмотрел на соседку ошарашенно:

– Машина? Ах, да-да, я знаю. Спасибо.

Гена, представительный сорокалетний мужчина, выскочил из лифта на своем этаже. Остановился перед дверью в квартиру, тревожно прислушался. Вытащил из кармана ключи, стал нервно открывать дверь. Руки не слушались, ключ не лез в замочную скважину...

Наконец он открыл дверь. Не зажигая света, он быстро прошел через все комнаты к двери спальни... Тихо заглянул туда.

На кровати в недвусмысленной позе лежали, обнявшись, его шофер и жена.

– Убью, сука! – Гена ворвался в комнату.

Ира завизжала, шофер вскочил как ужаленный, успев прикрыться простыней.

– Геннадий Васильевич, вы не так поняли, простите! Геннадий Васильевич, это не я, честное слово не я... Она меня...

Валя не договорил. Мощный уверенный удар боксера, пусть и легковеса, свалил его с ног за мертво. Ира страшно закричала:

– Не-е-е-ет!

Глава 4

Витя Зорин услышал крик. Нет, не Серафимин. Это кричал его ребенок, только что рожденный Серафимой сын.

Витя вздрогнул! Лицо его как будто озарилось светом. Он закрыл глаза от страха и неожиданности.

Из родильного отделения вышел доктор Морозов. Маску с лица снял. Сразу стало видно, как он устал.

– А, ты тут... Не ожидал, честно скажу.

– Ну? Доктор! Чего там?

– Сын у тебя.

– Сын... А она? Что? Живая или... нет?

Морозов внимательно посмотрел на Витю:

– Жить она будет. Только ребенок...

– Что с ним! Говорите, доктор!

– У ребенка, кажется, проблемы... Похоже на врожденный порок сердца. Ты бы пил меньше, парень! Ты бы думал немного о других, а не только о себе. Иди, завтра придешь, как протрезвеешь. Вот и поговорим.

– Да чё я, пьяный? Да я... – завелся было Зорин.

– Завтра поговорим. Я же сказал тебе! А сейчас – убирайся, я сказал.

Доктор так рявкнул, что Виктор мигом скатился со ступенек вниз...

Жива. Она жива... Ребенок... Ребенок болен...

Валя бездыханный лежал на полу. Ира в ужасе, завернувшись в простыню, встала с кровати. Она подошла к Валентину, тот не подавал признаков жизни.

– Ты... Что же ты наделал. Ты же его убил... Нет, Гена, нет!

Она перевернула тело любовника. Валя не подавал признаков жизни.

Муж сидел на кровати, закрыв лицо руками.

– Это же всему конец, Гена. Всему, понимаешь! Только жить начала, как человек, – вот так, глупо, почему зря! Господи, да за что же? Что же это такое ты наделал!

В истерике Ира металась по комнате.

– Тебя посадят, обязательно посадят! Господи, как же ты мог! Зачем ты это сделал? Зачем? А что со мной теперь будет? Ты об этом подумал?

Гена вдруг схватил ее, с силой бросил на кровать. Его перекошенное злобой и ужасом лицо склонилось над Ирой.

– Заткнись! Иначе удавлю! Мне теперь все равно... Сука! Ты во всем виновата!

Ира зарыдала в голос:

– Нет! Нет!

Солнце встало над рекой, над бескрайними полями, над крышами деревенских домишек. Витя, не раздевшись, спал дома у Симы на диване. Проснулся, открыл глаза, тупо осмотрелся, с трудом вспоминая, что вчера было.

Лешка, верный друг, уже тут как тут – стакан поднес.

– На, поправься. С утречком добрым – если вообще утро добрым бывает.

– Ты бы шел домой, а? – рявкнул Витя хмуро, видно, вспомнил все же вчерашний разговор с Морозовым. И сына больного.

– Не, ну нормальный расклад! У чувака ребенок родился, а он... Лучшего друга на фиг с утра посылает! Нет чтобы выпить...

– Лучший друг мой – Андрюха, – взревел Витя.
– Андрюха твой из армии за год одно письмо написал, а я вчера ночью три раза за самогонкой к Нинке бегал через все село – и вот тебе благодарность! – возмутился Лешка.
– Сам знаешь, где Андрюха служит. Не больно напишешь оттуда. А тебя за бухлом никто не посылал! Вон вызвался, потому как сам лакать любишь! – огрызнулся Зорин.
– Витек, один ведь останешься. Наедине, так сказать, со своей Симой-красавицей.
– Не твое дело!
– Ты чего? Тебя что, от счастья повело? Давай за сынка твоего, ну давай же, давай! Чтоб рос он у нас красивым, здоровым. – Леха поднял граненый стакан, доверху наполненный самогонкой.

Но Витя отпихнул его так, что Лешка в угол комнаты отлетел, и стакан разбился вдребезги...

– Да оставь ты меня в покое! Больной он у меня уродился. Понимаешь ты, больной!
– Да чего я тебе сказал-то такого? Ну, больной так больной. А что у твоей жабы еще родиться-то могло? Ты ж не виноватый, Витя! Чего зря кулаками-то махать? Так же прибить человека можно!

– Уйди, – закричал Зорин, – уйди немедленно!
От страха подхватил Леша пиджачок свой и был таков!

Лешка брел, пошатываясь, по деревенской улице и вдруг увидел бегущую навстречу тетю Веру, мать Иры. На ней была незастегнутая куртка, а под курткой та самая майка, что Ирка подарила... Майка яркая, с надписью на английском.

– Эй, тетя Вер! Ты хоть читала, что у тебя на майке написано? – захихикал Лешка. – Да стой ты, я тебе прочту! «Я реально сексуальна» – написано на твоей майке. Это кто тебе такое подарил-то, а, тетя Вер? Тебе не по возрасту майки такие носить!

– До пошел ты, не до тебя! – отмахнулась женщина. – Отвали, балбес, со своей Англией! На автобус вон опоздала!

– Теть Вер, чё, зять взятки брал в особо крупном размере, и его с дочкой твоей вместе посадили? А? – хохотнул алкоголик.

– Типун тебе на язык! – Тетя Вера огрела его старым чемоданчиком. И побежала автобус догонять...

Лешка орал ей вслед:

– Посадили, знаю, что посадили. Вся деревня говорит!

В кабинете следователя заплаканная Ира давала показания:

– Я же говорила... Говорила вам... Это была чистая случайность. Нас с Валентином ничего не связывало... Просто...

Следователь ехидно посмотрел на Ирину:

– Ничего не связывало, и поэтому он был в десять часов ночи в вашей постели в костюме, простите, Адама...

– Какого еще Адама? Он голый был! – всхлипнула Ира.

– Вот-вот, и я о том же. С этого момента, пожалуйста, поподробнее.

– Он приставал ко мне! – давясь слезами, рассказывала Ира. – Давно еще. Все проходу не давал: Ирина Александровна да Ирина Александровна... Я его отшивала как могла, а в тот день он решил в постель меня затащить насильно. Я сопротивлялась как могла! А потом пришел муж...

– И?...

– Но ведь мой муж все уже рассказал! Он сам к вам с повинной... Вы же все знаете, зачем вы мучаете меня?

– Все, да не все. Хочется поподробнее узнать о ваших отношениях с Валентином Воробьевым. И что думал по этому поводу Геннадий Васильевич? – ехидно спросил следователь.

– Он ничего не знал! До этого вечера ничего и не было! И вообще ничего не было... Гена же все рассказал, вы же ему верите! Он такой честный, он бы не стал обманывать!

– Гражданка Долгова, – сурово произнес следователь, – я вам на это вот что скажу: где гарантия, что он сказал правду? А может быть, это вы убили Воробьева, а муж из жалости ну... выгораживает вас! В нашей практике и такое бывало!

– Я? Убила? Да вы что? Да это он, он! Я ни при чем! Я не виновата! Я не смогла бы убить человека! – возмутилась Ирочка.

– Да вы успокойтесь!

Он сел поближе к Ире:

– Тут, понимаете, какое дело... Тут такое дело, что случись оно раньше – все можно было как-то замять, тем более что у Геннадия Васильевича покровители высокие есть! А теперь никак не замнешь! Теперь народу интересно знать: как это так, работник райкома партии убил человека! Теперь все об этом говорить будут в открытый голос – гласность называется! Так что утаить шило в мешке не удастся... Вы меня поняли?

Ирочка беспомощно закивала.

...Витя шагал из роддома через поле бурьяна, а за ним семенила Мария Ивановна:

– Ну так что же, что порок сердца! Это не значит, что смертельно. У меня ребяташки учились с врожденным пороком: их потом оперировали – и все, росли как все остальные! Витя, милый, ты Симу-то до могилы не доведи, а! Она же для тебя бьется, старается...

Витя развернулся, преградил женщине путь:

– Я вам не в пятом классе. И не в десятом. И хорош в жизнь мою лезть! Своей нету – так нами тешитесь, как куклами какими. Она вам кто, Серафима? Родня?

– Мне плевать на твои слова обидные. Она сирота, – прослезилась учительница. – Теперь вот сына больного родила. Да Сима мне как родная, понимаешь ты хоть это, сухарь! Чурбан ты эдакий!

– Да уж где мне, чурбану? Жизнь она мою сгубила, сирота ваша! Да и родила больного... Про него вон доктор сказал: не жилец! На кой мне ее забота? Оставила бы меня в покое! Вот бы я и был счастлив!

– Так и убирайся из ее жизни. Ничего, она проживет – без тебя. Она девочка сильная! – закричала вдруг Мария Ивановна громче, чем на уроке.

– Я бы из ее жизни и убрался бы. Да она из моей не уберется! – ухмыльнулся Витя и зашагал прочь...

* * *

Крохотный Симин сын лежал в кровати, пока Сима готовила обед. Мария Ивановна помогала ей.

– Никуда я его не пущу. Пропадет он без меня. А что сына родила ему больного – так ведь это правда... – вздохнула Сима.

– Как ты можешь так говорить! Сейчас медицина шагнула далеко. Вылечите вы ребенка!

– Доктор сказал: Ванька не операбельный. Сколько протянет – столько протянет, – прервала ее Сима, – я это все знаю.

– И что ж, сложа руки сидеть будешь?

– Нет. Не буду. Немного оклемаюсь – в город поеду Ваньку лечить. Не помрет он у меня. Люблю я его очень.

– А с Виктором что делать будешь? Он же дома не бывает. Ему ж наплевать на все: на тебя, на сына... Вот не хотела, Сима, говорить, а скажу – он у Нинки-самогонщицы целыми днями отирается! – зашептала гостья.

– Да уж знаю! Я к этому запаху привыкла. Весь уж пропах самогонкой, – горько усмехнулась Сима.

– Ты что ж думаешь, на какие он пьет? В долг, что ли? Или просто так она ему наливает? Сима отложила нож, которым чистила картошку.

– Вы что ж сказать хотите?

– Да-да, то и хочу. Ты уж не девчонка, сама догадайся! Не за так ему Нинка наливает, за ласку.

– Врете? – Лицо Симы покраснело от обиды. – Врете ведь!

– Да не вру я! Не вру! Сама проверь!

Ирочка, расфуфыренная и нарядная, шагала по улице решительно и быстро. Остановилась, достала зеркальце, посмотрелась в него, губки подкрасила. Секунду помедлила, а потом снова вперед, еще решительнее.

Ее цель была – приемная большого начальника.

– Ну, пожалуйста, будьте любезны. Я здесь уже второй час! – подлизывалась она к толстой пожилой секретарше, очень нервничая. – Ну мне очень надо попасть к Пал Палычу!

– Я же сказала вам, что Пал Палыч очень занят! Господи, как от вас духами пахнет. Аж голова кружится.

Иру осенила идея:

– Так, может, они вам нравятся?

– Ну... своеобразный запах.

Ира вытащила из сумочки почти полный флакон.

– Берите-берите, это Франция, настоящая! Вам подойдет, честное слово. А у меня... У меня еще есть!

Рука секретарши схватила флакончик.

– Ну, раз от чистого сердца, пожалуй, возьму! Очень пахучие духи!

Спрятав флакон, она нажала клавишу селектора:

– Пал Палыч, тут к вам гражданка по личному делу, Ирина Александровна, – и – понизив голос: – Геннадия Васильевича жена...

Мужской голос ответил из селектора коротко:

– Пусть войдет!

Пока Ира атаковала больших начальников, Сима решила сходить в магазин, поглядеть на Нинку-самогонщицу.

Магазин был закрыт на перерыв, но Симу это не остановило, и она громко постучала в дверь своими кулачищами.

От стука в дверь размалеванная, всегда готовая к приему мужиков Нинка вздрогнула. Она разливала зелье по бутылкам. Кинулась было прятать – да тут дверь и распахнулась от сильного удара. На пороге стояла Сима – решительная, злая.

– Ты? Тебе чего? Чё пришла-то? – попяtilась Нинка.

– А вот ты у меня сейчас и узнаешь!

Одним ударом Сима снесла все бутылки со стола – рука у нее крепкая!

– Чё делаешь-то? Чё делаешь? – причитала продавщица. – Э-э-э... ты тут не дома!

А Сима продолжала все крушить. Нинка бросилась на нее и отлетела к стене, словно мяч, – силища у Серафимы не женская!

– Сейчас до аппарата твоего поганого самогонного доберусь! Будешь знать, как всю деревню спаивать и мужиков чужих у себя привечать.

Она рванула в святая святых – магазинную подсобку, где прятался самогонный аппарат. Нина грудью кинулась на защиту аппарата:

– Не тронь мое добро! А за своим мужиком лучше следи! Он сам ко мне пришел, сам!

Сима схватила соперницу в охапку. Тряхнула не по-дет ски.

– Это на помойку снесешь – добровольно. Конец твоей самогонке! А узнаю, что Витька тут еще раз был – угроблю. Я не шучу, я шутить не умею!

И ушла, топая ножищами. И так грохнула дверь, что у испуганной Нинки и вовсе сердце в пятки скатилось.

Понурая и одновременно прекрасная Ирочка сидела в кабинете начальника. На столе были коньяк, конфеты. Пал Палыч молча мерил кабинет шагами.

Пал Палычу перевалило за пятьдесят, он был грузный и лысый, но при всей своей нека-зистости он работал большим начальником и считался покровителем Гены. Наконец он заго ворил:

– Да, неприятная ситуация, крайне неприятная. Я имею в виду прежде всего вас, потому что, уж простите, на Гене мы все уже крест поставили!

– Что же мне делать? – заныла Ирочка. – На вас была вся моя надежда!

– Самое большее, чего я могу добиться, – это закрытого судебного заседания. Ну чтобы, так сказать, наружу все не всплыло... Квартира... Вот чтобы оставить вас в этой квартире, придется немало потрудиться...

Ира в ужасе подняла глаза на Пал Палыча:

– Меня оттуда выселят... О нет! Это ужасно! Пожалуйста, пусть Гена сидит, только квар-тира... Не забирайте ее! Это возможно?

Выждав паузу, хозяин кабинета внимательно посмотрел на Ирочку, а потом обнял ее за плечи.

– Я постараюсь вам помочь – если и не выйти сухой из воды, то хотя бы с минимальными потерями.

– Я на вас так надеюсь! У меня же никого нет здесь, в городе... – взмолилась Ира.

Начальник склонился над плачущей девушкой:

– Будьте только очень благоразумны. Сюда больше не приходите, – и почти прошептал ей на ухо: – Мы встретимся в воскресенье? Идет? Но чтоб ни одна живая душа не знала...

– Да, конечно! – Ира вдохновилась и обрадовалась. Большой начальник клянул! – Конечно же встретимся!

Ночью Сима мыла полы в темном школьном спортзале. Мыла руками, как дома при-выкла. Добросовестно, потому что все привыкла делать только на «пять», основательно.

В зал зашла Мария Ивановна, запричитала:

– Ты на нее посмотри! Ну руками-то зачем, а? Швабра же есть! Ну чего ж ты так наклоняешься, тебе же нельзя. Вообще, Сим, это была глупая затея устроиться к нам уборщицей! Вот уж не думала, что ты будешь в школе полы мыть!

Сима выжала тряпку.

– Ничего, временно это. Отец всегда говорил: не место человека красит, а человек место. Мария Ивановна посмотрела на чисто вымытый пол спортзала, вздохнула:

– Да уж, так чисто давно не было. Домой придешь – ложись сразу! Отдыхать тебе надо!

– Деньги мне нужны. Через месяц-другой с Ваней в город ехать надо. Поздно будет потом.

– Знаю... Буду думать, как тебе помочь, Симочка...

В комнате Витя смотрел по телевизору новости да семечки грыз.

– Да что ж он у тебя орет-то! – вошла Сима в комнату. – Сделал бы потише. Ванька только уснул!

– А чего ему будет – уснул и уснул! Ты у Нинки-самогонщицы была? – усмехнулся Витя.

– А что, не наливает больше? Да, была! И еще пойду, если надо будет.

Виктор встал, выключил телевизор. Вплотную приблизился к Симе:

– Если еще раз пойдешь – убью!

Сима глаз не спрятала, шаг навстречу сделала. Не робкого она десятка.

– Ну убей! Давай, считай, что я уже сходила. Ну!

Размахнулся он да как даст ей по лицу! Ох, сам не ожидал от себя такой смелости!

Честно – думал, сейчас она сдачи выдаст... У Серафимы-то кровь из носу потекла от удара.

Но она только прикрыла лицо, разбитое в кровь, да сказала тихо:

– Если помрет Ванька – ты ж себе не простишь, правда?

Виктор молчал.

– Не хочешь – не отвечай. Только пить брось. И в бригаду вернись. Деньги нужны, чтоб лечить его, понимаешь ты это?

И он почему-то послушался Симу. В бригаду вернулся. Без охоты, конечно, но на работу ходить стал. И пил поменьше...

Вот Витя едет на тракторе своем. Бескрайнее поле перед ним, колосится урожай, глядит он на поле, а в глазах такая тоска! И прямо перед глазами *она* стоит. Ирочка его любимая. И кажется ему, что бежит он за ней вдоль берега речки, а она смеется, ускользает, плещет в него водой... Локоны ее длинные и платище светлое – все помнит, будто вчера это было! И речка горит на солнце волшебным блеском. И так счастливы они оба...

В зале суда Ира, волнуясь и теребя платочек, давала показания по делу мужа.

– И тогда мой... мой бывший супруг кинулся с кулаками на покойного, то есть на Валентина Воробьева. Я кричала, просила его не делать этого...

Ира повернула голову... На скамье подсудимых, за решеткой, Геннадий. Раздавленный, притихший, рядом – конвоиры.

– Но он не послушал, – продолжала она врать. – Я осуждаю его, я считаю, что происшедшее – трагедия, которую я лично очень тяжело перенесла... И подала, как видите, на развод. Я ни в чем не виновата...

Ирочка всхлипнула, пустила слезу.

– И я совершенно непричастна к этой истории, свидетелем которой стала случайно...

Скосив глаза, Ирочка увидела, как кивает ей из пустого зала Пал Палыч. Кивает удовлетворенно. Мол, все правильно сказала, как договаривались... Молодец!

Ирочка шмыгнула носом.

– Это все... больше мне нечего добавить!

Заседание суда окончено. Ира и ее мать шли по парку, что у здания суда.

– Квартиру, мам, к счастью, Пал Палыч помог мне оставить. Он теперь мне, мама, как родной, – радовалась дочь.

– Ну и курва ты, Ирка. О квартире только и думаешь!

– А о чем мне теперь думать? Как Гена будет жить на зоне? Так мне это все равно!

– Почему я тебя тварью такой родила? – усмехнулась мать.

– Да замолчи ты, деревенщина! Стыдно с тобой рядом ходить. Вон люди оборачиваются вслед!

– Люди-то мне вслед оборачиваются, потому что ты мне майку с поганой американской надписью подарила! – зашипела мать. – А плешивый-то, что у суда ждал, это и есть Пал Палыч, полюбовник твой новый?

– Словечки у тебя: полюбовник! Покровитель он мне, мам, покровитель! Одной женщине в этом мире и не прожить – это уж как ни старайся!

– И что ж, теперь за него замуж пойдешь? Или не возьмет тебя? Женатый?

Ирка промолчала. Потом сказала тихо:

– Не твоего ума дело.

– Значит, женатый, – захихикала мать. – Ой ты горе мое! А домой, значит, не вернешься?

– И не подумаю! Ишь, что сообразила – из городской квартиры со всеми удобствами да в ваш сарай! Погостить, может, приеду. Через месяцок. И то как сложится! – Ирка снова стала воображать. Положение ее не такое уж и страшное. Теперь у нее есть Пал Палыч! Хоть и не муж, а только любовник, но все же опора. Да и начальник повыше рангом, чем Гена!

Вдруг она остановилась, дернула мать за руку:

– Ма, гляди! Ну на ту сторону дороги – вон!

По аллее парка шагали Зорины: Сима с коляской да грустный Витька.

Ирка остановилась как вкопанная. И он словно почуял, вздрогнул, увидел Иру.

Они впились взглядами друг в друга.

Сима ушла далеко вперед. А Ира – вот она, только дорожку перебежать. Вдруг мать схватила Иру за локоть и потащила прочь.

– Да куда ты смотришь?

– Это ж Витя был со своей жабой.

– Знаю. Я ж с ними и ехала сюда, – сказала мать.

– Сын у него, да? – спросила Ира дрогнувшим голосом. – Сын, да?

– Сын. Больной только. Ты ее прокляла. Симка и ро дила больного. Лечить приехали. Только вот кто ведает – вылечат ли... Да какое теперь тебе дело до Витьки Зорина? У тебя своя жизнь, у него своя...

В кабинете городской поликлиники Ванечка кричал, не замолкая. Его успокаивала медсестра. А Сима слушала женщину-врача.

– Не все так просто, мамаша. Не делают у нас таких операций. У вас единичный случай, непростой.

– Так ведь у меня и сын единичный. Нету у меня другого, понимаете? – напирала Сима.

– Мы только областной центр. Но есть Москва. Есть уникальные кардиохирурги. Есть доктор Красин, тот вообще маг и чародей! Врач мирового уровня, лучший детский кардиохирург в стране!

– Пишите к нему направление, – потребовала мать.

– Направление! Он может не принять, не обязан. У них сотни, тысячи таких детей, к сожалению.

– Примет! Меня примет! Пишите! – настаивала на своем упрямая Сима.

– Ждать придется, очередь! И потом... Мал еще слишком ваш мальчик. Дороги-то до Москвы не вынесет. Годика через три поедешь – если доживет до трех лет, на твое счастье.

Вот такой был приговор...

* * *

Сима вышла из поликлиники. Виктор курил у входа, все не мог отойти от встречи с Ирочкой. Она стала еще красивей. Совсем городская, без косы. И глаза, ему показалось, печальные у нее. И смотрела на него так призывно... Не до Симы сейчас! А она ему:

– Доктор сказал, в Москву надо ехать, ребенка лечить!

Виктор как закричит:

– Да ты совсем очумела: какая такая Москва! С какого перепуга! Что, тут врачей нет? Или вы особенные, сахарные?

– Вить, я б тебя убила, если б могла, – спокойно ответила жена, словно поняла, что у него на сердце творится, – убила бы, да не могу, люблю. Так же сильно, как и Ваньку. А за что мне такое наказание Господне, не знаю...

– Да успокойся ты с любовью своей – сыт я по горло этой любовью! – завелся Витя. Помолчав, добавил: – Сим, а я сейчас знаешь кого видел?

– Знаю. Ирку свою. – Серафима даже не удивилась. – Мать ее с нами в автобусе ехала. Что, увидел ее и пялился, пока она из вида не скрылась? Думаешь, у меня глаз нет? Все я знаю на этом свете, Витя. Мужа ее за убийство посадили. Мать к Ирке на суд ездила.

– За какое убийство? – живо встрепенулся он.

Сима усмехнулась:

– Любовника Иркиного грохнул. Скажи спасибо, что не ты на его месте. А то ведь с ней рядом или мертвым, или рогатым.

Ира стояла у окна в своей квартире. Постель была разобрана. Пал Палыч застегивал рубашку, завязывал галстук. Понятно, что здесь происходило несколько минут назад.

Мужчина тихо и уверенно произнес:

– Выйду первым. Ты подождешь полчаса минимум. Только потом из дому показывайся. И так рискуем!

– Тебе это не нравится? – попыталась пошутить Ирочка.

Пал Палыч обнял ее:

– Ты мне нравишься. А что риск – дело благородное, это разговоры глупые. Не в моем возрасте, знаешь ли, рисковать. Слишком много на кон поставлено. Знаешь о моем новом назначении?

– Знаю. Боишься – не ходи ко мне! – вырвалась она из его объятий.

– Хитрая ты девка, Ира! Кстати, бумагу-то на развод получила?

– Да! Вчера...

– Ну и отлично.

– Я, Пал Палыч, к маме хочу съездить, – вдруг серьезно попросила Долгова.

– По родным местам соскучилась? Или какой кавалер в деревне остался?

– Женился мой кавалер, – честно призналась Ира. – Да какое вам дело! Денег оставьте.

Не с пустыми же руками мне к маме ехать!

– А, да, конечно! – Он порылся в бумажнике, достал несколько крупных купюр. – Вот, возьми!

Ирочка деньги взяла, аккуратно сложила в шкатулочку, что стояла на туалетном столике. Чмокнула Пал Палыча в лысую макушку.

– Ну, спасибо!

Денег дает, и на том спасибо.

Глава 5

Прошло три года.

Сима складывала в чемоданы свой и Ванечкин нехитрый гардероб. Помогала ей Мария Ивановна. В комнате на диване сидел сам трехлетний Ванечка – худенький, слабенький ребенок. Сима везет его лечить в Москву. Наконец-то!

– Вот ведь, три года направление выпрашивала, а выпросила, – радовалась она.

– К самому Красину? – улыбнулась Мария Ивановна.

– А как же, к нему самому, к профессору, к светиле! Я, Марь Иванна, если что задумала – так тому и быть, вы меня знаете!

– Денег на Москву-то хватит? А то ведь могу и займы дать, – предложила сердобольная учительница.

– Да держите вы свои копейки при себе. Витька дом продал материнский.

– Да ты что?!

– Не хотел. Ругался. Орал: вот, мол, буду от тебя уходить – в дом мамин вернусь. Теперь и некуда ему.

– Ох, может оно и лучше, – рассуждала педагог, – зачем ему уходить? Ничего, Сим, еще пару годов переберется, а потом и одумается! Так у многих происходит! А ты у меня терпеливая.

– Терпеливая-то терпеливая, а порой так тяжело бывает, – призналась Сима. – Держу я его при себе – Ванькой вот больным держу. А сама мучаюсь – права ли?

– Права, Сима, права! Не ты одна такая. Все бабы так живут. Мужикам вот волю дай – так институт семьи исчез бы вовсе! Держать их на коротком поводке – и весь разговор...

Она резко умолкла, в комнату вошел Витя.

Молча положил на стол пачку денег – купюры мятые, мелкие.

– На вот, Сим! Деньги за дом...

– Я, Сим, пойду! – заторопилась Мария Ивановна и скоренько исчезла.

Витя еще из кармана платок достал клетчатый. Развернул его – в платке толстое и старое обручальное кольцо, сережки с красными камешками.

– Вот еще в доме нашел. От матери память. Возьми с собой... Сдашь, если что!

– Спасибо тебе, Витенька, спасибо, родной! – просияла Сима. – Деньги возьму – а это нет. От моих-то родителей ничего не осталось. А колечко и сережки – для дочки, ко гда родится дочка, подарочек ей будет...

– Какая такая дочка, чего несешь? – заорал Витя. – Не будет никакой дочки, хватит с меня одного спиногрыза болезного. Хватит, поняла?

Он выскочил из дому, с силой хлопнул дверью. Ребенок заплакал, Сима бросилась к нему:

– Тише, Ванечка, тише! Не плачь, мама тебя любит! Папка тебя тоже любит, только зря кипятится. Характер у него такой, взрывчатый! Ну тише, Ванечка мой, мальчик мой, сыночек!

Знала Сима, что нет у Вити лучше друга, верней собутыльника, чем Леха. Молодой, здоровый, пьет так, как никто в селе! И с Виктором яхшается. Сам-то Леха холостой, вот делать ему вечерами нечего. А Витя – надежная компания, никогда не откажется!

Давно и люто не любила Сима Лешку. Выследила его на улице, когда он к десятиклассникам приставал.

– А ты что, Ленка Круглова? Ну выросла! Ну невеста, иди поцелую!

Девчонка опешила, кинулась было бежать от навязчивого кавалера, да тут чья-то рука сгребла Лешку в охапку.

– Я тебе сейчас поцелую, жених хренов! Оставь девчонок. Пошли, разговор есть.

– А что мне с тобой говорить? Мне с тобой говорить не о чем, Серафима! Вот с мужем твоим поговорил бы охотно... Да не пускаешь ты к нему! – зло ответил парень.

– Вот про мужа-то говорить и будем. Оставь его, Леш, в покое.

– Вот это номер! Может, такие слова я тебе должен сказать: «Оставь его, Сима, в покое».

А то учить она меня будет... – заржал Леха.

– Нет, Леш, не учить. Я ж не с пустыми руками к тебе. Вот!

Она на ходу вытащила из-за пазухи свернутые в трубочку деньги.

– Это что, взятка, что ли?

– Да, взятка. Ты, Леш, я слышала, в город хотел уезжать, учиться пойти. Вот бери, на первое время хватит!

– Ага! Бери и езжай! – обиделся Витькин дружок. – Деньгами откупаешься, чтоб друзей-то от мужа отвадить. Вот баба! Страшная ты женщина, Сима.

– Я знаю.

– Да я не про рожу. Жить с тобой страшно. Все по-своему кроишь. Все по-своему шьешь. Я б на Витькином месте давно удавился.

– Ты уезжай! А мы сами разберемся! Кому давиться, кому топиться. На тебе денег! И сгинь с глаз долой, алкаш!

Леша деньги бросил Симе в лицо:

– Убери! Убери бабки. Я и так уеду. Тебе на радость, ему назло. Уеду, только все одно ничего у вас не изменится! Бросит он тебя, Симка, слышишь, бросит! Слово мое помяни! Не бывает счастья поперек человеческой воли. Упорхнет он от тебя, как птица в небо, обещаю!

Сима спокойно деньги собрала:

– А это не твоего ума дело! Никчемный ты человек! Уезжай раньше, чем я в Москву двинусь. Не тормози меня, слышишь?

Лешка, подумав, вырвал деньги из ее рук:

– Ладно, гульну хоть напоследок. Не для твоей радости уеду – слышишь! – а для своего удовольствия.

– Давай, давай! Главное, чтоб ты надолго, а еще лучше навсегда. Слышь, я тебе в любой час готова отдать последние деньги, лишь бы ты в краях наших больше не появлялся, подонок!

Леша рванул от Серафимы, пугливо оборачиваясь. А она ему вслед посмотрела презрительно да улыбнулась – ее победа.

Мария Ивановна и Витя провожали на вокзале Симу с Ванечкой в Москву.

Виктор и не глядел на семью, курил в сторонке. Проводить, называется, пришел!

– Осторожнее там будь, Москва все же! – беспокоилась учительница.

– А вы за Витей приглядите! Если что – телеграфируйте сразу, – попросила Сима тихо.

– Будь спокойна!

– Все, пора! Вить! – окликнула Сима мужа. – Подойди хоть, поцелую.

– Чё целоваться-то? – зло отвернулся он от Симы.

– Так ведь прощаемся!

– Прощаемся, ага... На Луну, что ль, летишь?

– Зорин, ну у тебя совести никакой! – возмутилась Мария Ивановна. – Поцелуй жену-то на прощание!

– Марь Иванна, может, мне еще «Капитанскую дочку» прочитать? – съехидничал Зорин.

– Поздно, Зорин. Ушел твой поезд! – зло констатировала учительница.

– Ой, поезд, пора. Все! – Сима кинулась к вагону, потом остановилась, сама подошла к Витьке, смачно чмокнула его в щеку...

Он поморщился:

– Давай уже... Вон поезд сейчас двинется!

– Ну, бывай, Вить. Я как приеду – напишу!
– Глядеть буду в оба! Не волнуйся! – Мария Ивановна крепко прижала к себе Симу на прощание, а потом долго махала ей вслед, украдкой вытирая слезу.
А Зорин даже не обернулся вслед уезжающим.
Так и курил на перроне. А как поезд отправился, зашагал восвояси.

Сима поехала на поезде в Москву. Ира на автобусе из города в деревню, к маме на побывку.

Из окна видна дорога, тронутые желтизной лесополосы, домишки дальних деревенок. И река.

Ира в окно не смотрела. Смотрела в зеркальце, что достала из сумочки. Вот тушью реснички подвела. Вот помадой ротик подкрасила.

Женщина рядом глядела на нее с интересом – угадывает вроде, кто это, а вот до конца признать не может. А Ира все продолжает краситься.

– Я извиняюсь, ты не Веры Долговой дочка будешь? – решила спросить соседка.

– Вам-то что? – с вызовом бросила Ира.

– Похожая очень. Только... совсем городская.

– А что вы хотели? Пять лет уже в городе живу.

– Вон оно как! Время-то быстро летит. Ты как, мамку навестить или какие другие дела у нас?

Ира хитренько улыбнулась:

– А это поглядим!

Поезд мчался в чистом поле. Колеса стучали по рельсам. Сима налила в стакан кипятку и возвращалась в свое купе. Ванечка заливался плачем – один он и минуты сидеть не привык! Сима торопилась... Торопилась – растянулась на ковровой дорожке посреди вагона, кипяток разлила, стакан разбила...

Толстая проводница выскочила из купе:

– Да мало того, что ты с ребенком больным, который орет громче паровоза, так ты еще и выпила, видать, ровно ходить не умеешь, всю посуду перебила! – заорала проводница.

Сима встала и смело пошла ей навстречу, как танк.

– Это ты где же видела, что я с ребенком пила? Совсем мозгов не имеешь, а?

Она так грозно наехала на проводницу, что та попятилась назад.

– Да я ж ничего, я так...

Из купе выглянула женщина с Ванечкой. Это была Полина, попутчица, миловидная дама, интеллигентная, лет сорока:

– Сима, да перестаньте вы выяснять с ней отношения! Ванечка вон плачет! Мне кажется, он голодный!

– Ой, бегу! – очнулась Сима.

В купе она покормила сына.

– Вот так, мой хороший, вот так! Я же его, Полина Сергеевна, до двух лет грудью баловала.

– Что же он у тебя такой худенький? – удивилась попутчица.

– Да ведь мы, Полина Сергеевна, в Москву лечиться едем... Не хотела говорить... Сердце у него слабое. Направили нас к кардиохирургу. Красин, кажется, фамилия его...

– Красин? Вы не ошиблись? – удивилась Полина.

– Нет. Точно Красин. Я ж три года пороги обивала, чтобы к нему направление получить.

– Видите ли, Сима, Красин – мировое светило. Не так давно я делала с ним интервью, я ведь журналист. Он такая величина, что вряд ли будет оперировать сам вашего сына. Хотя...

Руки у него действительно золотые. И я удивляюсь, как в этой неразберихе он не двинул за кордон – сейчас ведь все уезжают. А его там наверняка ждут с распростертыми объятиями! – поделилась информацией женщина. – Вы точно верите, что попадете именно к нему, а не просто в его клинику?

– Ну да! К нему именно! А он, если хороший человек, ни в какую за границу не уедет. Знаете, как говорят: где родился, там и сгодился. Он нам тут нужен, светило-то!

– Я мало с ним общалась, но мне кажется, что человек он действительно очень хороший! – улыбнулась Полина. – Да, вашему Ванечке хорошо бы попасть именно к нему!

Здание детской больницы, в которой работал Красин, было уже стареньким и давно нуждалось в ремонте.

К счастью для доктора, недавно городские власти приняли решение строить новые корпуса, почти в самом центре. Красин очень радовался этому. И мысленно готовился к переезду. Будут новые операционные, будут палаты у детей большие и светлые...

Для этого придется потрудиться, но ведь оно того стоит!

Красину недавно исполнилось пятьдесят. Поджарый, даже скорее худоватый мужчина с необыкновенными горящими голубыми глазами. В них всегда светилась решительность и четкое знание того, чего хочет доктор.

Вот к этому доктору и ехала Сима.

В приемной Красина раздался звонок. Секретарша взяла трубку:

– Приемная Красина, слушаю...

Грубый мужской голос прохрипел ей в ответ:

– Шефа позови к телефону, и немедленно.

– Извольте не разговаривать в таком тоне. Николай Николаевич занят, – разозлилась секретарша на хама.

– Подожди трубку класть. Для общего развития: зовут тебя Людмила, лет тебе тридцать шесть. Сын у тебя единственный, ученик шестого А класса школы номер шестьдесят восемь, Дима Арефьев. С мужем ты в разводе. А если шефа к телефону тотчас не пригласишь – сына твоего быстро найдем и проведем... Шефу трубку! Живо!

Испуганная женщина, бледнея от слова к слову, глухо прохрипела:

– Хорошо... Сейчас...

Она открыла дверь кабинета шефа:

– Там вас... Пожалуйста, трубку возьмите!

– Из министерства? Я же просил не соединять ни с кем! – отрезал Красин.

– Николай Николаевич, умоляю! – почти прорыдала секретарша.

Красин посмотрел на нее удивленно, трубку поднес к уху:

– Да, слушаю!

Знакомый уже голос приветствовал Красина фамильярно:

– Ну, здорово, док!

– Кто это?

– А я думал – догадаешься!

– У меня очень мало времени, не морочьте мне голову, – почти прокричал доктор.

– О голове печемся? Это правильно. Нас тоже интересует ваша голова, Николай Николаевич.

– В каком смысле?

– В самом прямом! Плохо будет твоей голове, док, очень плохо!

– Не прекратите угроз, немедленно обращайтесь в милицию! – Красин был не из пугливых. – Что вам нужно?

– Брось пугать! Ты просто не успеешь этого сделать! Повидаться бы надо, профессор. Завтра в семь в ресторане «Золотое руно», это рядом с твоей клиникой. Приведешь хвоста – тебе не жить. Понял?

Из трубки послышались гудки. Красин от злости сжал челюсти.

Ему сразу стало ясно – это рэкет. И не просто вымогатели денег. Людей, которые звонили ему, интересует земля в центре, предназначенная под его новую клинику. Она безумно дорогая. И она очень нужна этим бандитам...

В купе Полина и Сима пили чай. Ванечка мирно спал рядом.

– Вы, Сима, смелая девушка. Только одно я вам скажу как женщина женщине: одной любовью вы долго человека не удержите. У вас должно быть в жизни дело, свое дело, которое не предаст вас никогда. Муж может уйти. Сын, дай ему Бог здоровья, вырастет и будет жить своей жизнью. А для себя что? – спрашивала Полина.

– Я про это думала. Только не знаю, удастся ли, – вздохнула Сима.

– Что?

– Лошадей хотела бы разводить: это мое. Отец мой конюхом был да меня с детства к лошадам приучил. В грузовике он разбился, давно, вместе с мамой... А теперь у нас в колхозе и лошадей-то не держат. Я ведь потому и на ветеринара пошла, учусь заочно, – улыбнулась Сима, – о лошадях-то я с детства мечтаю...

– У меня друг – владелец крупного конного клуба в Москве, – вспомнила Полина. – Если начнете свое дело – помогу. А пока у вас главная забота – Ваньку на ноги поставить! И вот что, – решительно заявила она, – в Москве никаких гостиниц, остановитесь у меня!

– Неудобно как-то, Полина Сергеевна, – засмузилась Серафима, – чего мы теснить вас станем?

– Очень даже удобно. У меня, Сима, муж умер семь лет назад. Ну а детьми мы обзавестись не успели. Так что спасает меня одно – мое дело, которое я очень люблю. Ну и люди хорошие. А их тоже немало. Квартира большая, не стесните. А помочь вам мне очень хочется!

Сима обрадовалась:

– Вот спасибо!

Ирочка ужинала с мамой во дворе. Мать поставила перед ней кринку с молоком. Дочь поморщилась:

– Да убери ты! Отвыкла я, только магазинное пью... И то только в кофе добавляю.

– Скажите, какие мы! А если все так гладенько да по маслу, чего приперлась, а? Ты ж при хорошем раскладе сюда еще десять лет носу бы не казала, а? Говори, чего приперлась!

– Узнала, что отчим болеет...

– Ой ли? Так он тебе и нужен! Так я и поверила...

– Ну, по тебе соскучилась! – солгала дочка.

– Врешь! Ты скучать не умеешь!

– Ну хорошо... Мне Пал Палычу надо насолить! Он с женой за границу укатил в отпуск, а я одна. Скучно, – призналась Ира.

– Скучно – иди вон работай, – засмеялась мать, – ты ж ни одного дня не работала. Ни при Генке своем, ни при Палыче... Лентяйка ты!

– Пока женщину внешность кормит – можно и отдохнуть. А как перестанет кормить, так на пенсию выйду, – улыбнулась красавица.

– Ты хоть знаешь, сколько ныне пенсия? С гулькин нос. Что ж с тобой делать-то? – вздохнула мать и выпила молоко из кринки сама.

– Не дергайся. Я сама все улажу.

– Что, нового старика на себе жениться заставишь?

– Да никакой он не старик, мама, ему всего пятьдесят пять! – возмутилась Ира.
– Держите меня сто человек, – захохотала мать. – Куда ж ты лезешь, дурная? Пятьдесят пять, да он меня старше!

– Хватит смеяться. Не твое это дело. Вот отсижусь тут недельки две, там поглядим, – подвела итог Ирка.

Она придвинула к себе крынку с остатками молока:

– Ладно уж, давай сюда! Не пропадать же добру! – и жадно осушила ее до дна. – Фух! Вкусное! А что Виктор, мам, чего он делает?

– Симку в Москву отправил – сына лечить. Соломенным вдовцом живет. Пьет много. На Андрюху-то, дружка его, еще год назад похоронка пришла. Ранен был в Афганистане том, будь он не ладен, в самые последние дни... В госпитале почти год провалялся, да вот и скончался. Ну, Витя вот уж неделю как не просохнет... А тебе-то что до него?

– Да я так просто спросила!

– А! Тут вона не знаешь, в какой стране живешь, да будет ли в той стране пенсия... А ты, значит, личную жизнь налаживать! Ну давай, старайся! – снова недобро засмеялась мать.

В назначенное время Николай Николаевич Красин вошел в зал ресторана. Огляделся. За дальним столиком мужчина в ярком пиджаке сделал ему знак рукой. Красин двинулся к его столику.

На свидание с доктором пришел другой бандит, куда более интеллигентный, чем тот, что говорил по телефону (но называть мы его все равно будем бандит).

– Садитесь, Николай Николаевич! Что будем заказывать? – спросил бандит в ярком пиджаке ласково.

– Не утруждайтесь. Я в компании с вами ни есть, ни пить не стану!

– Многообещающее начало! Мои люди сказали, что вы и по телефону грубили, – усмехнулся мужчина.

– Они еще не знают, как я умею грубить! – резко ответил Красин.

– Ну, мы тоже можем быть грубыми. Очень грубыми... К делу. Земля, выделенная под строительство вашего нового здания, очень нам приглянулась. Мы планируем построить шикарное казино. Удобная развязка дорог, район хороший...

– Я землю не отдам. – Красин не ошибся в своих подозрениях. Ну конечно, речь шла о земле под его клинику!

– Доктор, доктор, да мы уже наверху почти все решили. Просто ставим вас в известность во избежание лишних ненужных вопросов. Вы понимаете? – многозначительно подмигнул профессору собеседник.

– Я не хочу вас понимать! И я этого так не оставлю! – Красин встал. – Полагаю, разговор закончен и вам моя точка зрения ясна!

– Ну, точка-то ясна, а вот насчет окончания разговора это вы погорячились, доктор! Что ж, хотите идти, идите! Вас пациенты ждут. Только... как бы вам самому не стать... одним из пациентов. Или, гляди, того хуже!

– Угрожаете? – усмехнулся профессор.

– Предупреждаю. В стране бардак, никто за вас биться не будет, учтите! И не спешите с ответом. У вас есть неделя. Поверьте, мне хотелось бы решить вопрос полюбовно. Мы все-таки люди интеллигентные.

Красин готов был растерзать бандита в ярком пиджаке, но ответил спокойно:

– Насчет своей интеллигентности вы очень сильно ошибаетесь!

Он с грохотом отодвинул стул, мешающий пройти к выходу, и быстро, не оглядываясь, вышел из ресторана.

Проводница заглянула в купе к Симе и Полине Сергеевне:

– Собираемся, девушки, подъезжаем к Москве!

– Сима, едем сначала ко мне! – предложила Полина. – Хоть умоешься с дороги! Приве-
дешь себя в порядок! Меня машина встречает, так что...

– Спасибо, да только я ведь сюда не на экскурсию! Вам, конечно, большая благодарность
– за компанию и за приглашение. А все-таки меня лучше сразу в больницу! Отвезете?

– Как скажешь!

Через час Сима уже сидела в приемной Красина. И всеми правдами и неправдами вва-
лилась в его кабинет, рассказав доктору, кто она и зачем пожаловала.

– Хорошо, раз уж вы в такую даль приехали – мальчика мы положим и обследуем. Пона-
добится операция – у нас прекрасные врачи! Но вам надо не ко мне лично, а в регистратуру!
Так положено, – ответил ей профессор.

– Что мне ваша регистратура, что мне другие врачи, – возмущалась Сима, – я к вам
приехала, лично! Только вы чтобы операцию делали! Другим не доверяю. Я три года вас ждала!

– Послушайте, давайте вы не будете мне указывать, как быть и что делать. У меня еже-
дневно в клинику поступают двадцать-тридцать таких же больных малышей, как ваш! У меня
нет возможности, поймите, физической возможности оперировать каждого из них.

– А для меня должна возможность быть! – закричала Сима.

– Я не делаю исключений, – с трудом сдерживая гнев, сказал Красин.

– Сделайте.

– Это пустой разговор. Идите и оформляйтесь.

– Так вы согласны? – улыбнулась она. – Вы будете сами Ваню лечить?

– Идите! Я же сказал! – крикнул доктор.

– Так я не пойду никуда. Пока вы мне слова не дадите. Что будете сами оперировать.
Если я чего решила – это все, намертво, – стукнула по столу кулаком Сима.

– Вы что, ненормальная?

– А хоть бы и так!

Профессор нажал кнопку селектора:

– Люда, у меня в кабинете проблемная мамаша. Пожалуйста, сделайте так, чтобы ее не
было в течение минуты.

– Так вы не на ту напали, доктор. Добровольно я не уйду! – заявила грозно Серафима.

– Значит, уйдете недобровольно! – констатировал Николай Николаевич.

Два медбрата – мужики здоровые – зашли в кабинет, схватили Симу под белые руки да
и потащили к выходу.

– Пойдемте за нами!

– Ага, сейчас! А ну пусти, руку пусти, да пусти, тебе говорят... – отбивалась она.

С трудом два мужика уволокли Симу.

– Я еще вернусь, вернусь, вот увидите! – кричала она Красину.

* * *

Ирке дома не сиделось. Прошла мимо дома Симиного. Видит, Витьки дома нет. Поняла,
что на кладбище он, у Андрюшки. И не ошиблась...

Виктор сидел у свежей могилы друга. Налил стопку, глядя на фотографию друга.

– За тебя, Андрюха! Я на твоём месте мог быть. А вот нет, сачканул от армии... Теперь
не живу, не умираю. Хреново тут, на земле, Андрюха... Если б не грех в петлю лезть, может, и
полез бы... Ну давай, брат. По последней. Больше и не буду. Нет и в водке спасения, так-то...

Витя выпил.

Ира, спрятавшись за кустом, сначала молча наблюдала за ним, потом появилась внезапно. Витя чуть не свихнулся от неожиданности.

– Ирка, ты?

– Не бойся, не призрак. Живая. Не к тебе я... К Андрюшке вот цветы положить.

Она положила букетик маленький на холмик...

– Прямо перед выводом войск наших его ранило, – тихо объяснил Витя. – На мину нарвался. В госпитале обе ноги отняли. Героем он был. Не то, что я. Говорят, в госпитале долго лежал. Жив был, а матери боялся писать, чтоб не расстроилась... Думал – выкарабкается. Не случилось. А напиши – так, может, мы чем и помогли бы.

– Чем? Будь ты, Витя, реалистом. Чем бы вы ему помогли, если он с гангреной, да без ног, да еще с кучей других ранений. Он же кусок мяса был уже, а не человек, – возмутилась Ира.

– Да не говори ты так, слышь! Друг он мне был!

– А ты не ори! Кладбище тут, а не базар! – оборвала она.

– Да я не ору... Не могу просто успокоиться... Опять же, тебя увидел. Не ждал совсем...

– Испугался? – усмехнулась Ира.

– Обрадовался, – признался он, – очень сильно... Уж и не мечтал, что тебя увижу. Зачем приехала?

– Тебя не спросила. Захотела и приехала, – передернула плечиком Ирка.

– Мужа твоего не выпустили?

– Никакой он мне не муж. Развелись мы.

– Так чего, значит, ты одна и свободная? – просиял он.

– Одна и свободная. Ну все, прощай... По деревне с тобой ходить не стану, больно уж языков злых много.

Она пошла по дорожке с кладбища, он за ней, не отставая ни на шаг.

– Да плевал я на те языки. Я вон тебя увидел – точно воды живой из родника напился!

А ты...

– Прощай. И догонять не надо. Не смей! – приказала Ира. – Повидались, и довольно!

Она побежала. Витя за ней следом.

– Ирка, стой! Да не буду я тебя руками трогать! Мне бы только поговорить, Ира!

– Да не о чем говорить-то больше, Витя! У тебя вон сын растет!

– Ну что с того, что сын! У меня же еще сыновей может быть с десяток, я ж мужик-то молодой! Ну один здоровым не вышел, так то не моя вина, Симкина! Ира, да постой же ты!

Он почти догнал ее... Схватил за плечи. Прижал к себе.

– Нет мне без тебя жизни, ты хоть понимаешь это? Я, как Андрюха, в земле лежу зарытый. Знаешь, это как?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.